

Битва на Калке

Алексей Живой

Битва на Калке

«Автор»

Живой А.

Битва на Калке / А. Живой — «Автор», — (Битва на Калке)

Весна 1223 года от Рождества Христова. На южных границах появились монгольские полчища. Но в русских землях о них еще не слышали. Чего ждать от этих степняков? В это же время из двадцать первого века в Древнюю Русь попадает Григорий Забубенный, механик автосервиса. И оказывается в самой гуще событий. Теперь от него зависит, чем закончится великая битва на Калке? Куда повернут монголы? И... куда повернет Русь.

© Живой А.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	30
Глава шестая	37
Глава седьмая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

А.Я.Живой

Битва на Калке. Эпизод первый

Глава первая

«Я вышел из леса...»

В ту ночь Григорий Забубенный спал плохо. Можно сказать – совсем не спал. Только забывался на короткие мгновения, да то, мгновения эти больше походили на кошмары. Проснувшись, он рывком сел на кровати и только затем открыл глаза. Холодный пот струился по лбу, собравшемуся от ночных переживаний в плотную сетку морщин.

Вспомнилось, как вчера он решил порадовать свой холостяцкий желудок запеченной свиной по случаю окончания недели. Рецепт нашел в интернете. А где еще одинокому и технически продвинутому механику брать новые идеи? Только там. Кроме свинины приготовил сам себе целый противень румяных куриных ножек. И, – почти все съел за один раз запивая свежим пивом и ругая себя за склонность к обжорству.

Нет, Забубенный в принципе был мужик компанейский, любил немного посидеть в дружной компании, но, исключительно с близкими друзьями. Абы с кем сидеть не стал бы. Но за последний год два лучших друга, Володька Сиволапов и Коля Вахмистров, вышли за пределы его орбиты. Один женился на ревнивой дуре, которая ревновала его даже к культурным собутыльникам, читавшим Ричарда Баха и не призывавшим выносить из дома все. А другой устроился на перспективную работу, которая предполагала переезд в другой город. И, неожиданно, переехал. Так Забубенный временно остался без компании, но с надеждой найти себе новых друзей.

К этому вечеру он, увы, не успел найти ни одного достойного человека, с которым можно было бы поговорить о жизни, и с горя наелся в одно лицо. А ночью организм ему отомстил кошмарами.

Спать уже не хотелось. Григорий осторожно вылез из-под одеяла и просочился на кухню. Стараясь не смотреть на ошкетинившийся остатками куриных ножек широкий противень, стоявший на плите, вышел на балкон.

Обитал Забубенный на самой окраине новостроек, рядом с Юнтоловским заказником. С трех сторон к его дому подступал почти вплотную самый настоящий лес. И только прямо по курсу высились дома. Едва рассвело. Еще не было четырех утра, как показали древние ходики на кухне, доставшиеся от бабушки-старушки по наследству.

Григорий с удовольствием закурил. Посмотрел с пятого этажа на мирно спавший после пьяного вечера Питер. Внизу сейчас все тонуло в пушистом тумане. Кирпичные современные высотки, выросшие недавно по соседству, в рассветной мгле казались башнями какого-то древнего замка, захваченного чародеем. А длинные корпуса девятиэтажек, – уснувшими динозаврами. Утреннее спокойствие в природе настроило Забубенного на романтический лад.

«А не сгонять ли мне за грибами, – подумал он, – спать все равно не буду. Пока население не проснулось, грибков наберу, благо лес рядом». Решение было принято.

Григорий вошел в ванную, немного пофыркал, умывшись холодной водой. Затем пробрался обратно в комнату. Натянул камуфляж. Снова оказавшись в коридоре, надел желтую кепку и резиновые сапоги. Взял небольшой импортный рюкзачок, крепко сидевший на спине, засунул в его карман ножик, полиэтиленовый пакет, и, немного поколебавшись, фонарик. Хотя на улице уже светало, идея искать грибы в тумане с фонариком развеселила Григория, отодвинув еще дальше ночные кошмары.

Подумав еще немного, Забубенный упаковал в рюкзачок две бывалые, купленные по случаю мини-рации «Кенвуд». Весили они мало, выглядели компактно, устойчиво работали в радиусе до пяти километров. Было у Григория желание ходить за грибами не только с фонариком, но еще и с рацией, чтобы с кем-нибудь переговариваться, обсуждая находки. Сейчас переговариваться было не с кем, но Григорий все же рации положил. На одной из них немного западала кнопка «вкл». И Забубенный собирался после вояжа в лес зайти в гости к одному хорошо знакомому радиотехнику, также обитавшему по соседству с юнтоловским заказником. Хотя Григорий и сам был мастером на все руки, но по металлу, а в том, что касалось радиоволн, привык доверять мастерам паяльника со знанием физики. Такие люди даже ранним субботним утром не спят, а что-нибудь мастерят или обдумывают. Поэтому неожиданный заход грибника в предрассветных сумерках их не застанет врасплох.

Осторожно, чтобы не разбудить соседей, защелкнув за собой дверь, Забубенный, спустился на лифте и вышел из парадной. До леса, было, минут десять ходу. Шагая в тумане по асфальтированной улице в обход единственного микрорайона отделявшего его от дикой природы, Григорий размышлял о суете всего земного. Работал он сейчас механиком автосервиса, точнее пытался работать, снова находясь на испытательном сроке. Такое недоверие со стороны начальства выходило обидным, но Григорий не расстраивался, ибо считал себя не просто механиком, а механиком-новатором. А таким людям всегда трудно пробивать дорогу среди обычных механиков. Вот, например его напарник Вася Цигулькин, обычный механик, получив задание отремонтировать двигатель «Мерседеса», взял и просто его отремонтировал. Скукота. А вот он, Григорий, получив задание восстановить слегка покореженный в лобовом столкновении кузов «БМВ» седьмой серии и запустить сломавшийся при этом мотор подошел к делу с огоньком. Двигатель он разобрал полностью, добавил в него еще несколько новых деталей, и получил в итоге более продвинутую модель. Эксклюзив, можно сказать. Ноу-хау Забубенного, отчего двигатель мог развивать почти реактивную тягу, правда, не долго. Минут десять. А потом шел в разнос. Зато в эти экспериментальные десять минут рекорд скорости был обеспечен. Ну, а из стандартного, ничем не примечательного кузова «БМВ» Забубенный смастерил кабриолет, очень оригинальную для наших дождливых широт модель. Нет почти ни у кого. Так что хозяин мог гордиться.

Хозяин между тем выразил желание познакомиться лично с мастером, выполнявшим заказ, а когда не обнаружил его – Забубенный как раз уехал на рыбалку, немного устал от творческой работы, нужно было расслабиться – то разнес вдребезги половину автосервиса и еще потребовал возмещения ущерба. Странный человек. Ущерб ему возместили. А Забубенному после этого пришлось год работать без зарплаты. А потом еще и примириться с «испытательным сроком», в течение которого по новому уговору с начальством он не должен был делать ничего по собственному усмотрению. Ну и как в таких нечеловеческих условиях работать?

Зато были в новом положении и свои плюсы, – теперь он не работал по выходным. И вообще его особенно не напрягали, поручая мелкие работы по замене подшипников или тормозных колодок.

Скоро над сгустившимся в низинах туманом выросли неровные очертания высоких елей. Григорий немного поежился от сырости и натянул поглубже свою желтую кепку. Заказник приближался. Собственно, он начинался сразу через улицу от крайних домов микрорайона, стоило только перейти дорогу, и ты оказывался в заповедном лесу. Согласно огромной табличке у входа, здесь водилось двенадцать видов редких птиц и столько же видов животных, запрещалось разводить костры, ловить рыбу в лесных водоемах и вообще возбранялись всякие виды активного отдыха. Однако, как показалось Забубенному, жители окрестных домов были сплошь неграмотными, ибо следы от костров, на которых жители самого культурного города жарили шашлыки и пойманную здесь же рыбку, начинались сразу за воспрещающей табличкой. А мусор устилал цветным ковром все берега ближайшего озера.

«Странное дело, размышлял Забубенный, оставив позади асфальт и углубившись в лес по проселку, и почему люди не хотят дать природе пожить спокойно? Вот наши предки-славяне, говорят, были мудрее нас. Не жгли костров в заповедниках, наверняка, и рыбу динамитом не ловили».

Прошагав во мглистом киселе пару километров и окончательно оставив очаги цивилизации за спиной, механик-новатор решил, наконец, что единение с природой наступило и пора начинать сбор подберезовиков, которых здесь водилось во множестве, несмотря на постоянные набеги окрестных любителей природы, к которым, надо признать, сейчас относился и он сам. Все-таки не у всех жителей Питера есть возможность выйти из дома и через десять минут оказаться в настоящем лесу. Не парке там каком-нибудь или лесопарке, а самом настоящем лесу, то есть на лоне природы.

Григорий свернул с тропинки и углубился чащу. Здесь туман был еще гуще, а идея искать грибы в тумане с фонариком пережила второе рождение. Механик достал фонарик и стал светить себе под ноги. Пришлось даже нагибаться к самым кочкам и разглядывать их очень пристально. Забубенный ощутил себя тем самым ежиком, только более продвинутым – с фонариком. Побродив так по болотистой почве полчаса, Григорий отыскал всего пару грибов, да и те по счастливой случайности. Видимость пока была нулевая.

Зато, углубившись в лес метров на пятьсот, он обнаружил там холодильник. Белое чудовище, неведь как сюда попавшее, стояло на небольшой поляне, словно идол Перуна. Забубенный чуть не ударился об него лбом, наскочив на холодильник в тумане. Некоторое время механик рассматривал это чудо техники, размышляя о том, кто бы мог его сюда приволочь и зачем? Ответ не находился. Холодильник был, тропинок не было. Туман за это время понемногу начал рассеиваться. Проявились окрестные сосны и березы. Григорий еще раз пристально осмотрелся. Вокруг по-прежнему не наблюдалось решительно никаких тропинок. Не с вертолета же его сбросили в чащу леса?

Окутанный сомнениям механик решил продолжить поиск грибов на восток от холодильника, благо в той стороне просветлело чуть больше. На этот раз он набрел на неплохую полянку, где обнаружил сразу пять молоденьких и крепких подберезовиков. Издав победный вопль каманчей, Григорий набросился с ножом на беззащитные грибы. Почин был. Следовало развивать успех, пока в лесу не появились конкуренты-грибники.

Побродив минут десять по колено в сырой траве, механик нашел еще одну полянку, с одной стороны ограниченную тремя поваленными друг на друга соснами, а с другой небольшой болотистой лужей. Грибов на ней было множество. Правда, не все съедобные на вид. Добрая половина относилась к сословию поганок и мухоморов. Их было так много, что, даже срезая настоящие на вид подберезовики, Забубенный осторожно лизал их на месте среза, опасаясь ощутить горечь несъедобного гриба. Так его учила в детстве бабуля, царствие ей небесное. «Да, – подшучивал при этом над собой Григорий, облизывая очередной гриб, – вот так втянешься, а потом из леса не выгонишь».

Опустошив лихим набегом полянку, Забубенный двинулся дальше в чащу, обойдя болотистую лужу. Сразу за ней начинался пологий подъем, и места были посуше. Пройдя в том направлении около километра, Григорий насобирал почти половину большого пакета подберезовиков. Грибы, все как на подбор, были молодые, едва успевшие вытянуться из земли и окрепнуть, до подхода грибников. Ни на одном не наблюдалось признаков червивости. Окрыленный успехом, Забубенный решил собрать целый пакет, а то и весь рюкзак, на зависть соседям. В нем проснулся древний инстинкт охотника за грибными головами.

Туман, между тем, рассеялся полностью. Ночь умерла. Солнце осветило кроны деревьев, разогнав остатки белесого тумана по низинам. Остановившись на поляне, Забубенный залюбовался лесом. Хорошо было здесь бродить ранней осенью, когда земля еще хранит летнее тепло, но уже постепенно укутывается ковром из пестрых листьев.

Скоро, однако, следовало ожидать наплыва более ленивых грибников. А к обеду, – самых ленивых. Срезая очередной гриб, механик мысленно пожалел их: не видать им такого успеха, как ему, этим утром.

Очередной раз, решая в какую сторону направить свои стопы, Григорий обнаружил, что незаметно забрел в какой-то холмистый уголок леса. Раньше здесь ему бывать не доводилось. Болот вокруг уже не было, деревья, словно отодвинулись друг от друга и стали покрюжистей. Березы почти потерялись за крепкими стволами высоченных сосен. Чуть поодаль стоял огромный дуб. Все это больше напоминало настоящий бор, а не болотистый заказник вблизи большого города.

Блудить здесь было особенно негде, со всех сторон лесок был окружен либо многоэтажными бетонными домами, либо речкой, либо примыкавшей с дальнего края деревней. Так что Григорий не сильно переживал по этому вопросу. «Наверное, забрел в самый дальний угол, рядом с деревней, – успокоил себя Забубенный, – Здесь я еще не бывал, оттого и кажется лес незнакомым».

В этот момент механик-новатор заметил в ста метрах бродившую среди сосен фигуру девушки, одетой в какой-то длинный белый сарафан. «Ну, слава Богу, – успокоился механик, – Селянка. Пойду, спрошу в какой стороне город».

Однако селянка оказалась на редкость пугливой. Механик не успел еще и слова сказать, как та, увидев приближавшегося к ней бодрым шагом Забубенного, вскрикнула и убежала за холм, сверкнув пятками.

«Чего это он босиком по лесу шастает? – удивился Григорий, – простудиться ведь можно. Или у них тут так заведено? Вон йоги тоже на гвоздях спят и ничего. Может и мне попробовать, глядишь, здоровее стану».

Поднявшись на поросший лесом холм, Григорий действительно увидел, что почти вышел к людям: внизу, примерно метров через сто, лес редел и переходил в поле. Решив, обойти лес вокруг, а не продираться обратно сквозь чащу, Забубенный направился прямо к полю, в надежде через полчаса быть уже дома и пить кофе с булочками, также заботливо приготовленными женой вчера вечером. Куда убежала испуганная селянка, он не обратил внимания: мало ли на свет девиц с истерической натурой. Ну, увидела одинокого мужика в лесу рано утром, чего кричать то? Не маньяк же, хоть и с ножом в руке. Однако, выбравшись на простор Забубенный, остановился.

По полю к нему бежала толпа мужиков вооруженных дубинами. Мужики были какие-то странные, в длинных рубахах, лаптях и почти все бородатые. Лапти Григорий разглядел, потому что мужики бежали ходко, высоко задирая ноги. Ну, борода, это еще ничего. Но зачем носить лапти, когда можно даже в сельпо прикупить кожаные боты или, на худой конец, кирзовые сапоги, этого механик-новатор понять не мог. Впрочем, долго обдумывать этот парадокс он не стал. Ну, бегут себе мужики по полю с дубинами и ладно. А ему домой пора. Грибов набрал. Пора и честь знать. И он уже двинулся вдоль леса быстрым шагом, но червячок сомнения вдруг очень сильно укусил его, заставив вновь оглянуться на мужиков.

Те бежали явно в его сторону и намерения у них были, похоже, не очень дружелюбные. Да и дубинами размахивали на ходу очень уж натурально, не для красного словца. «Может селянка чего наплела? – озадачился Григорий, – Ну, типа, пристал я мол к ней в лесу, жениться, хотел. Чего со страху не померещиться. А я оправдывайся теперь».

Механик бросил озадаченный взгляд на лесную чащу. Но убежать через лес было поздно. Мужики с дубинами уже отрезали ему этот путь и, обхватив механика полукольцом, стремительно приближались с трех сторон. Григорий остановился, положил мешок с грибами на траву, и приготовился принять бой, благо сам был не робкого десятка. Да ростом и силой Бог не обидел.

Окружение, наконец, закончилось. Мужики окончательно отрезали Забубенного от леса. Обошли со всех сторон, и теперь медленно подступали, поигрывая дубинами. Было их человек семь. Механик решил начать переговоры первым.

– Вы чего, мужики, кино снимаете? – поинтересовался Забубенный, разглядывая допотопную одежду преследователей.

– А ты не скайся, вражина, – ответил ему в тон здоровенный мужик хипастого вида с обручем на голове, стянувшим длинные русые волосы, – ты пошто Настасью обидеть хотел?

Забубенный вздохнул. Значит, действительно наплела историю селянка, теперь выкрутиться бы как-нибудь. Мужики-то, по всему видно, всерьез напрягаются. И зачем только за грибами пошел?

– Да вы чего, мужики, – попытался схитрить механик, – Какая Настасья? Не видел я никого. Иду себе лесом, собираю грибы...

– Ты не вертись, вражина, – снова подал голос мужик с обручем на голове и в замызганном кожаном фартуке, видно представитель древнейшей профессии кузнецов, кое-где еще сохранившейся, – я брат ее Никодим. Она мне плакалась.

– Послушай, Кодя, – ласково начал Забубенный, закатывая рукава, – у тебя видать кислородный удар случился от работы. Не трогал я твою Настасью, врет она все. Шел я мимо, спросить хотел, где тут дорога в город. Ждут меня там. А она как заорет, словно привидение увидела, да как ломонется через лес, только пятки засверкали. Нервная она у тебя больно. Валерьянки ей надо выпить. Так что...

Забубенный не успел закончить фразу и едва увернулся от просвистевшей над головой дубины. Чуток пониже и удар снес бы ему голову, верняк. Григорий драться не любил, но в минуту опасности вспоминались какие-то инстинкты: занимался в жизни немного каратэ, да еще кое-чем. Хотя поясов с неба не хватал, лениво было.

Не став дожидаться второго захода, механик со всего маху провел мае-гэри кузнецу в грудь. Тот только отшатнулся, выронил дубину, но устоял. «Здоровый мужик, пронеслось в голове у Григория». Он прыгнул к ближайшему телу справа, ударом ноги по коленной чашечке свалил его на землю, ударом локтя в живот сбросил с себя повисшего на плече подростка, пнул в пах по ходу дела еще одного выросшего, словно из-под земли крестьянина и бросился бежать по полю, куда глаза глядят.

Бежать в сапогах по довольно высокой траве было не удобно, но продолжать переговоры не имело никакого смысла. Консенсуса явно не наблюдалось. Видно деревенские мужики предпочитали сначала огреть дубиной по голове, а потом разговаривать. Такой регламент вызывал у Забубенного бурю протеста, а потому оставив свои лесные трофеи селянам и потеряв в схватке любимую желтую кепку, он припустил что было сил по полю в направлении города, как ему казалось. Хотя никаких высотных домов ни за лесом, ни за полем, он не видел. Только несколько деревенских развалюх притулилось на другом краю широченного поля. Похоже, далеко забрел. «В следующий раз, не надо будет так углубляться, решил Григорий, скромнее надо быть. И зачем мне одному столько грибов»?

Очень скоро за спиной послышалось злобное дыхание. Забубенный оглянулся через плечо: мужики догоняли, уже впятером. Впереди всех размахивал дубиной кузнец. Бежать в лаптях им все же было удобнее. Неизвестно чем бы закончилась эта беготня, если бы из леса навстречу механику не выехал отряд конных всадников, увидев которых Забубенный вздохнул с облегчением: точно, кино снимают.

С виду это были настоящие древние русские витязи. На каждом блестящий шлем, кольчуга, каплевидный щит с каким-то металлическим набалдашником посередине, в руке длинное копьё. На плечах алые плащи. Всего их было человек двадцать. Впереди всех, скакал всадник в самом богатом доспехе из разукрашенных резьбой пластин, зеркало на его груди блестело

как настоящее зеркало. На боку висел меч в кожаных ножнах. Сзади за ним, отставая на пол-корпуса лошади, маячил знаменосец.

Забубенный, большой любитель книжек про богатырей, так залюбовался неожиданной картиной, что забыл про опасность и остановился. А зря. Мужики мгновенно нагнали его, и драка началась снова. Над головой Григория засвистели дубины, от двух ударов механик увернулся, но третьим его хорошо приложили по ребрам. Вывыв от боли, Григорий упал навзничь и уже попрощался с жизнью, когда разъяренный Никодим снова занес над ним свою карающую дубину. «Крепко здесь защищают женщин, пронеслось у Забубенного в голове, джентльмены долбаные».

– Остановитесь! Именем князя, повелеваю, – раздалось рядом почти над головой распластавшегося на земле Григория.

Никодим, в пылу схватки, видно не обративший внимания на приближавшихся всадников, при звуке голоса сначала замер, а потом выронил дубину. Сейчас он стоял всего в двух шагах от механика. Обиженный Забубенный решил использовать неожиданно возникшую заминку. Злость придала ему силы. Он вскочил и с размаху съездил ногой по морде Никодиму. Теперь уже кузнец рухнул в траву, заливая рубаху хлынувшей из расшибленного носа кровью.

Остальные мужики стояли чуть поодаль, сгрудившись. Не нападали, не приближались к Забубенному, но и не уходили. Разобравшись с кузнецом, Григорий осмотрелся. К нему быстро приближался начальник конного отряда со знаменосцем и еще тремя всадниками.

«Получается, что, и я в кадр попал, не запланировано, – кипятился механик, – Тоже, блин, нашли бесплатного актера».

– Остановить буйство! – снова прогремел голос над его головой. Это рявкнул скакавший за предводителем знаменосец.

– Да пошел ты к черту, – не выдержал Забубенный, сплюнув на траву, – думаешь, броник нацепил и самый крутой? Вы что тут сдурели все, чуть человека не угробили! Где ваш режиссер, я жаловаться буду!

Но всадники на удивление Григория продолжали ломать комедию. Доскакав до Забубенного они остановили коней и приблизились вплотную. Так, что лошадь главного всадника даже дыхнула в лицо Григорию, а тот поморщился и отшатнулся.

– Ты холоп, а ли вольный человек? – наконец, спросил у него воин, видно, бывший в этом отряде за главного, – странная у тебя больно одежда, не нашенская.

– Кончай дурку ломать, – ответил с вызовом Забубенный, которому уже порядком надела эта фантазмогория, – и кобылу свою отодвинь, она мне в лицо дышит. Не люблю я лошадей. Предпочитаю машины.

Один из всадников легонько, но ощутимо ткнул Забубенного копьём в плечо. Григорий почувствовал боль.

– Отвечай, когда с тобой воевода разговаривает.

Это был уже перебор.

– Да русский, я русский. Мужики, – снова напрягся Григорий, почесав ужаленное плечо, – вы чего все из дурдома сбегали? Какой к черту воевода? Военный консультант ваш, что ли?

– Путята, Мстислава Чернявого верный пес.

– Какая Путята? Это что, кличка? – переспросил ничего не понимающий механик.

Новый укол в плечо, заставил его отпрыгнуть на шаг назад. «Похоже, это какие-то маньятки, решил механик, скорее всего секта военных маньяков-историков. Живым не отпустят. Надо сматываться».

– Непонятен мне, сей холоп, – задумчиво изрек воевода, блеснув недобрый взглядом из-под шлема, – Возьмем его с собой. После поговорим. А этих, – он кивнул в сторону стоявших чуть поодаль деревенских мужиков, – обспроси, из-за чего сыр бор.

Забубенный попятился.

– Это кто холоп? Я, между прочим, российский паспорт имею и прописку, понял?

– Может половец, от своих отбился, – проговорил второй всадник, рассуждая сам с собою, словно Забубенного рядом и не было, – но они нам не враги давно. Только этот шальной какой-то больно, даже для половца. Те хлипкие на драку, хоть и задиристые.

Воевода, не промолвив больше ни слова, развернул коня и поскакал через поле, в сторону видневшейся на дальнем краю деревни. За ним, словно тени, двинулись знаменосец и еще один всадник. Оставшиеся, окружили Григория, который лихорадочно искал выход, всматриваясь в просветы между лошадьми. Он еще надеялся проскользнуть между ними, и убежать в лес.

Неожиданно на его многострадальную голову обрушился профессиональный удар чем-то тяжелым. Механик потерял сознание, свалившись в траву. Всадники спешили, погрузили обмякшего Григория на круп одной из лошадей, и поскакали за своим воеводой.

Глава вторая

Непонятный человек

Очередное пробуждение, второе за это утро, тоже было не из приятных. Теперь к метафизическим последствиям ночных кошмаров добавилась вполне реальная шишка на макушке, которая давала знать о себе тупой болью. «Чем это меня приложили эти исторические маньяки? Может булавой или просто палкой?» Открыв глаза, Забубенный обнаружил, что лежит, уткнувшись лицом в сено, которое щекочет ему ноздри. А когда перекатился на спину, то окончательно утвердился в своих ощущениях: он находился в каком-то сарае. Сквозь щели в одряхлевшей крыше пробивалось яркое не утреннее солнце.

Забубенный еще раз пошевелился и понял, что руки у него крепко связаны за спиной каким-то сыромятным ремешком. Как это было ни странно, но импортный рюкзачок по-прежнему был у него за спиной. Поскольку в нем не хранилось ничего кроме ножика и фонарика, то выглядел он вполне плоским и мог сойти за часть странной одежды, которой его новые знакомые так сильно заинтересовались. Вспомнив новых знакомых, которые видно с перепоею расхаживали в одеждах древних русичей, Забубенный загрустил. Зачем они пристукнули его и приволокли сюда, вот вопрос? Лежишь так один в сарае со связанными руками, а вокруг тебя бегают какие-то шизики с копьями и еще неизвестно чего от тебя добиваются. Надо смаковать, да побыстрее.

Григорий снова перекатился на живот и встал на колени, спиной к дверям, благо ноги у него были не связаны. В этот момент дверь в сарай со скрипом отворилась, и послышались тяжелые шаги, приглушенные земляным полом. Несколько человек зашли, позвякивая железом доспехов.

– Что, половчанин, помолиться решил своим степным богам? – Раздался за спиной Забубенного зычный голос, заставивший механика вздрогнуть.

Голова у механика болела, напоминая о недавнем происшествии, но способность ериничать уже к нему вернулась. А что еще оставалось в таком положении. Механик, как смог, развернулся к вошедшим и привалился спиной к стене сарая.

– Извиняться пришли? – поинтересовался он.

Дружинники переглянулись, а потом дружно расхохотались. Отсмеявшись, один из них ответил:

– Да ты не робкого десятка, как я погляжу. А извиняться тебе придется, паря, если виноват окажешься. Вставай, воевода тебя ждет. Судить будет.

Забубенный вздрогнул. Уже и судить собираются, а потом наверняка распнут. Точно маньяки на сходке. Сектанты. Ну, ерничать, – решил Забубенный, – так до конца.

– А вы, мужики, с какой киностудии сбежали?

– Вставай, – не обращая внимания на реплику механика, сказал один из ратников, черноусый и чернобородый детина, – воевода ждать не любит. Ответ держать будешь.

– Это за что же? – деланно удивился Забубенный, хотя сильно догадывался, за что с него хотят спросить, – За то, что в вашем лесу грибы без спроса собирал, что ли? Так я все верну на место.

– Не об том речь, – отмахнулся черноусый. Слегка нагнувшись, он схватил пленника за ворот камуфляжной куртки и одной рукой приподнял Забубенного, поставив на ноги, – Пойдем, непонятный человек.

И подтолкнул механика к низкой перекошенной дверке, открытой наружу. Григорий нехотя подчинился.

Снаружи стояла отличная солнечная погода. Время уже за полдень было, судя по солнцу: часы свои Григорий потерял в драке с Никодимом. Сарай стоял на отшибе селения, которое можно было окинуть одним взглядом, – пяток дворов с сараюшками. Около центрального двора толпились сейчас десятка два человек, видно, его дожидались.

Забубенный, конечно, в деревнях бывал, но подобной убогости давно не встречал. Не было здесь не то что электричества и асфальтированной дороги, но даже и стекол в домах. Пузыри какие-то натянуты, труб вовсе нету. Проходя под конвоем мимо одной избы, Григорий заметил валивший из всех щелей дым и сначала подумал, что баня. Но тут открылась дверь и на свет божий показалась пухлотелая хозяйка в закопченном сарафане и перемазанным сажей счастливым лицом. В руках она несла какое-то варево, из чего Забубенный заключил, что в этой «газовой камере» варили обед.

– Да, господа киношники, – проговорил вслух Григорий, – потратились вы на декорации. Натурально получилось.

– Шевелись, – беззлобно подбодрил сзади военный историк, в одежде ратника.

Забубенный зашагал побыстрее, чтобы не получить очередной пинок или предупредительный укол мечом в спину: мало ли что от них можно было ожидать. За плечами незаметной ношей болтался, чудом сохранившийся импортный рюкзачок с фонариком внутри. Видно помогла застежка, соединявшая лямки на груди.

На ходу механик продолжал обдумывать свое положение, внимательно приглядываясь к окружавшим его пейзажам. Странное дело, но все эти люди почему-то не казались ему нанятой массовой. Неестественность поведения было легко отличить. А они двигались так, словно были натуральными.

«Да, подумал механик, зря я грибов нализался. Мерещится теперь всякое». Но если он не в руках маньяков, тогда где? Случайно стал героем какого-то суперинтерактивного шоу «Русь заповедная за стеклом»? Значит, здесь повсюду натканы скрытые камеры, а за каждым его шагом сейчас наблюдает аудитория из миллиарда придурков, лежащих на диванах и хрюпающих чипсы кубометрами. Впрочем, версия про маньяков пока оставалась рабочей, и Григорий решил подождать с выводами. Поживем, если повезет, увидим.

Прошагав метров сто, Забубенный оказался во дворе самого большого из домов деревни, где толпился народ. Конвойные остановились позади, замкнув узкий двор в кольцо. По виду это был такой же сарай, как и остальные, только с резным крыльцом и забором из свежеструганных кольев. Но по сравнению с соседними развалюхами, он казался просто чудом архитектуры.

На крыльце сидел воевода в броне. За его спиной и по бокам стояли ратники с мечами в ножнах. Остальные виднелись вместе с конями в поле. Рядом с воеводой обретался Никодим с расшибленным носом, а за его спиной пряталась длинноволосая селянка, из-за которой Забубенный и угодил в эту катавасию. На месте она не стояла, все дергалась нервно. Чуть в сторонке кучковались мужики-помощники. Судя по всему, эта здоровенная сволочь Никодим уже успел изложить воеводе свою версию случившегося. Придется защищаться.

«Эх, мне бы адвоката или право на последний звонок, – подумал с грустью Забубенный и вдруг поймал себя на мысли, что принимает всю ситуацию уже всерьез. Как будто он действительно житель древней Руси, а не лучший механик автосервиса на испытательном сроке, и должен оправдываться перед каким-то там воеводой, верным княжеским псом. Короче, полный бред. А бред, даже переданный через интернет, остается бредом».

Между тем бред набирал обороты. Никодим снова что-то шепнул воеводе и указал пальцем. Мужики одобрительно закивали. «Не иначе повесить предлагает, догадался Григорий, или еще лучше, на кол посадить. Вроде бы в древней Руси это было модно. Как-никак развлечение. Телевизоров то ведь не было, «Голливуда», к счастью тоже».

Воевода со смешным именем Путята, поднял руку, и шум вокруг смолк. Затем он перевел руку в горизонтальное положение и невидимая линия от указательного пальца воеводы уткнулась в грудь Забубенному.

– Говори, – изрек Путята, – Его я уже слышал.

«Ну вот, дождался, – промелькнула предательская мысль, – встать, суд идет. Жил себе честным механиком, а тут за уголовника сойду. Как бы умом не тронуться. Где я вообще и что со мной происходит? Может этот воевода виртуальный и если перезагрузиться, то все исчезнет»?

Толчок в плечо вернул его к месту действий. Деревня, лес, ратники. Толчок был явно не виртуальным, поэтому Григорий вздрогнул и начал свою речь:

– Гражданин, начальник. Я честный человек. Шел себе по лесу, никого не трогал, собирал грибы. Ну и заблудился немного. Тут вижу – гуляет по лесу одинокая честная селянка. Я приблизился к ней и хотел спросить, как бы мне добраться до города короткой дорогой. А она вдруг заорет, как оглашенная, лукошко бросила и бежать. Ее бы надо к психиатру на освидетельствование. Ну, пошел я себе дальше, выбрался в поле, а тут эти малохольные наскочили, и давай меня дубинами метелить без разговоров. И вообще, скажите мне гражданин начальник, где я и что тут, блин, за кино вокруг происходит?

Ответный вопрос Путяты его несколько озадачил. Воевода хитро прищурился и спросил:

– А в какой город шел ты, человеке и чего там хотел?

– Шел я домой в Питер. Я и прописан там. Если не верите, паспорт покажу. А хотел я домой вернуться. У меня сегодня выходной, а завтра опять на работу, машины собирать.

В зрачках воеводы отразилось недопонимание. Он переглянулся с черноусым ратником, стоявшим слева от Григория. Тот, как показалось, механику, пожал плечами, мол, врет, словно поет.

– И где этот город?

– Да тут, пару километров и уже окраина его. Я там и живу. У нас хорошо, леса много да и финский залив недалеко.

На это воевода только кивнул и переспросил:

– А хотел-то чего там?

– Да ничего. Домой вернуться и поспать маленько. У меня сегодня выходной, а завтра опять на работу, машины собирать.

– Чего собирать? Ты что травник что ли, а ли колдун?

– Нет, траву не употребляю. Разве, что водки иногда. Механик я. Это значит, что любую машину разобрать могу. Даже с закрытыми глазами, – приврал немного для красного словца Забубенный.

Воевода, похоже, не очень оценил механический гений стоящего перед ним мужика и задумался о чем-то своем. Замолчал надолго. Потом, наконец, спросил, глянув мельком на Никодима:

– Ну, а к девке Настасье пристававал?

– Я? – заволновался Григорий от смены темы, – Зачем?

– Известно зачем. Потешиться.

– Нет, за этим не пристававал, – честно ответил Григорий, – У меня подруга есть. Там и тешусь. Только спросить хотел, как тут до города легче добраться. Но и слова-то толком с ней сказать не успел. Даже не познакомились. А она себе уже не известно чего со страху напридумывала, да братцу своему эту дэзу впарила. А он и поверил. В общем, врут они все, начальник. Чист я.

Воевода вздохнул, бросил взгляд на Настасью, которая зыркала острыми глазками из-за плеча Никодима на своего лесного обидчика.

– Да, напугал ты девку, – проговорил воевода, как бы размышляя вслух.

– Ну и что мне теперь, из-за ее эротических фантазий женится что ли? – уточнил Забубенный, – Так у меня уже жена есть, а я не мусульманин и денег на гарем у меня не хватит, такую толпу теток содержать.

Тут в разговор вмешался Никодим.

– Да что ты мелешь, Настасья сестра мне! – выкрикнул он, шмыгнув расквашенным носом.

– Да тетки все одинаковы, – урезонил его механик, не опасавшийся новой драки в зале суда, охрана кругом была надежная, – наплетут с три короба, а ты знай только, уши развешивай. Ты вот сейчас ее спроси, пусть повторит при честном народе и понятых, пристава я к ней или нет.

Никодим, по всему было видно, снова хотел броситься на обидчика, но стоявшие рядом ратники княжеские служили гарантами стабильности и уважения к суду. Никодим остался на месте, только кулаки сжал. Тогда он вдруг повернулся к сестре и вытолкнул ее на середину пустого места.

– Настасья, побожись, что он к тебе пристава.

Длинноволосая красotka Настасья, бросила короткий взгляд на Забубенного, закрыла лицо руками и вдруг бросившись на колени перед воеводой, заголосила:

– Ой, виноватая я, оговорила я его. Простите меня, люди добрые! Не трогал он меня, только напугал. Из лесу вышел, здоровый такой и весь в плесени (Забубенный скосил глаз на свой замызганный камуфляж)...и ко мне...я и испугалась, думала леший. Ну, со страху и наговорила брату небылиц, а он за меня вступился. А потом уж стыдно было обратно признаваться. Простите, люди добрые!

Мужики зашумели. Ратники заулыбались. А кузнец Никодим, как только Настасья с колен поднялась, со всего маху влепил ей в ухо такую затрещину, что девица отлетела метра на три в кусты и там зарыдала, то ли от боли, то ли совесть ее замучила.

«Бей бабу молотом, будет баба золотом», всплыла в памяти у Забубенного своевременная народная мудрость. Да, эмансипацией в здешних местах не пахло. Но тут уж он вступился за свою обидчицу, воспитание не позволило промолчать, невзирая на помятые ребра.

– Да ладно тебе, Никодим, убьешь сестрицу. Ты полегче, грабли то свои не распускай. Она, получается, вроде девушка честная оказалась.

– То мое дело, – огрызнулся кузнец и промямлил, – ты извини, паря, зря мы тебя помяли.

– Вот это точно, – радостно подхватил Забубенный и повернулся к воеводе, – Ну, что, ваша честь, герр Путята, теперь сами видали, – я чист перед законом. Можно наручники с меня снимать и из камеры выпускать. На свободу, как говорится, с чистой совестью.

Народ одобрительно зашумел. Путята подал знак и черноусый ратник быстро и аккуратно разрезал ножом острым ремешок сыромятный, крепко стянувший запястья механика. Забубенный с радостью замахал затекшими руками.

– Отдашь ему Никодим в обмен на оскорбление деньгу, а ли имущество равноценное, – вынес приговор воевода, – столько сколько, он сам захочет. А если после того он захочет сестру твою второй женой взять, или наложницей, тоже отдашь. Заслужила.

Никодим скривившись, наклонил голову в знак подчинения. Воевода замолк на мгновение и продолжил, усмехнувшись.

– Да только он не захочет.

Григорий бросил взгляд на длинноволосую Настасью, рыдавшую сейчас в кустах. Даже с подбитым глазом она чем-то напоминала Клавдию Шифер. «Ничего девчонка, – подумал Григорий, в котором шевельнулась жалость к своей обиднице, – глупая просто. Молодая еще, пугливая».

– Да уж, – подтвердил механик вслух и вспомнил про удар дубиной по ребрам, – Денег возьму, если дадите, это справедливо. Долларов сто нормально будет за моральный ущерб. А Настасья пусть пока в девках походит.

Суд закончился, и мужики разошлись. Никодим увел заплаканную Настасью домой, сказав, чтоб зашел за данью положенной попозже. И Григорий, обрадованный счастливым исходом, совсем уже было, засобиравшись домой, но тут воевода неожиданно заговорил снова.

– С девками разобрались, теперь поговорим о делах наших ратных.

Механик насторожился. Раздвоение сознания опять надвигалось. Может, все-таки грибы сделали свое черное дело? И кто только придумал их лизать.

– Каких таких делах? – тревожно спросил Григорий, потирая шишку на голове и поглядывая на ратников, которые стояли вокруг него полукругом. Сбежать было невозможно. Несмотря на свою гордую неподвижность, эти ниндзи зарубили бы мгновенно.

– Бабы – это твое дело, – перешел вдруг на доверительный тон воевода, снова хитро прищурившись, – но ты скажи мне, что ты тут пел мне про город странный, коего тут и в помине нет, и не слыхивал я таких городов вовсе. Да про море-окиян, до которого рукой подать...

– А что тут странного, – не понял Григорий, – все так и есть. До залива пятнадцать минут на маршрутке.

Воевода закивал, как бы соглашаясь, но произнес:

– А то, человеке, что до моря теплого ходу отсюда тридцать ден без сна и роздыху, через земли половецкие, ежели не на ладье по Десне плыть. А до моря холодного и того больше.

Забубенный присвистнул.

– Это куда же меня занесло? За Урал что ли. Тут рядом есть большие города?

– А ты не знаешь?

Григорий отрицательно мотнул головой.

– Теперь, воевода, я ни за что не поручусь: кто я, где я, и что вообще здесь происходит. Видно, какая-то метаморфоза с пространством и временем в юнтоловском заказнике случилась.

Воевода встал, шагнул вперед и оказался рядом с Забубенным. Лицом к лицу. Усмехнулся.

– Память что ли тебе мужики отшибли?

Григорий почесал шишку и кивнул в сторону ближайших ратников.

– Да, похоже, только не деревенские махальщики, а вот эти мужики, в кольчугах.

– Ну, ты на них не серчай. Они свое дело знают. Без вины жизни не лишат. Тебя они легонько пристукнули, чтоб не шумел до времени. Пока не разберемся.

– Ну и что, разобрались же, – Забубенный сделал осторожный шаг в сторону, – Я чист. В общем, мне пора домой.

Путята ухмыльнулся в густые усы и положил свою руку на плечо механику. Рука у воеводы была железной.

– Вот что парень, – проговорил он, – непонятен ты мне. Шатаешься по лесам в одежде странной. Людей обходишь. Говоришь то понятно, то не по-нашенски. Словами заморскими бросаешься, опять же. Кто ты, мне пока не ведомо. А я воевода, потому ведать должен. Сейчас темные времена наступят.

Забубенный понял, что главный приговор еще впереди.

– Короче, с нами поедешь в Чернигов. По дороге разберем, что за птица.

– Если я правило понял, – уточнил Забубенный, – вариантов у меня не много.

Путята как бы невзначай погладил ножны своего меча.

– Мне с тобой сейчас возиться некогда. Тороплюсь. Князь наш Мстислав ждать не любит, ему поход готовить надобно. Меня дожидается. Скорый суд, если упрямитесь будешь, хоть сейчас проведем. У Никодима, знакомого твоего, кузня есть. Попробуем тебя каленым железом, в

раз расскажешь нам правду-матушку. Если враг – в кипятке сварим или на кол посадим. Ну, а если наш человек, – отпустим. А полезным будешь, может еще, и награду получишь.

Григорий засомневался. Если принять место действия на веру, то в сложившихся обстоятельствах, вариантов и в самом деле было не много: пытка, кол, кипяток или дальняя дорога. Забубенный решил, что у него окончательно съехала крыша. Отпускать его домой никто не собирался. Да и где он дом то: за лесом, или, в самом деле, занесло честного механика каким-то ветром в древнюю Русь. Хорошо, хоть не в древний Китай. По-китайски то он не понимает, там с голоду бы умер, пока язык выучил, а с этими кое-как общаться можно. Значит, придется ему задержаться в этом странном мире богатырей да селянок. Ну что ж, по любому выходила дальняя дорога. Может быть, по пути удастся выяснить, что происходит, и где он проявился. Или назад дорогу отыскать.

– Не надо пытаться, начальник, – решил Григорий, вздохнув, – я с вами по доброй воле поеду. На кол сесть никогда не поздно. Так что поехали в ваш городок, по дороге допросите. Только вот я коней боюсь.

Воевода молча взглянул ему в глаза. Взгляд Путяты был прост и понятен: «Либо на коня, либо на кол, выбирай».

– В детстве с зебры упал в зоопарке, и с тех пор к лошадям подойти боюсь. – поправился Григорий, – Но, я постараюсь. Ведь не сложнее, чем мотоциклом управлять, да?

– Это какой конь попадется, – ответил воевода, – но ты не бойсь, паря, мы тебе клячу смирную дадим. Эй, Данила, отведи этого к Савраске, что копыта везет. Она и его стащит заодно. Да остальным скажи, что выступаем через время малое. Пусть собираются.

Данилой оказался черноусый ратник, стоявший при допросе слева от Григория. Он радостно хлопнул механика по плечу и показал рукой вперед, мол «иди, руки за спину, шаг вправо, шаг влево и сам понимаешь, что с тобой будет». Григорий повернулся и пошел немного впереди черноусого Данилы по направлению к последнему дому, за которым открывалось обширное поле, посереде которого паслись кони богатырские, мирно пощипывая травку, под присмотром нескольких бойцов. Чутко поотстав за ними тронулись еще трое воинов из отряда.

Руки были свободны, ноги тоже. «А может деру дать, пронеслось в голове у полоненного механика, сейчас припущу по полю и в лес, а там ищи свищи». Но, внимательно осмотрев окрестности Забубенный временно отказался от побега. До леса было далеко, не добежать. Ратники Путяты, вскочив на коней, быстро догнали бы его и порубали в мелкий винегрет. Да и в лесу, если добежит, тоже догнали бы. Они же привычные, да и проводники из местных нашлись бы сразу. Сусанины чертовы. Эта сволочь, Никодим, наверняка не упустил бы случая поквитаться. (Кстати, денег за мордобой несправедный так и не принес. Зажал, значит, сволочь). А если гоняться по полям лень, то и стрелу ведь можно пустить вдогон. Она летает быстро.

Нет, бежать рано. Если все происходящее вокруг не обычный глюк и не рассосется само собой в ближайшие часы, то придется задержаться, осмотреться, да пообвыкнуться в местном временном промежутке. А там глядишь, и придет на ум чего-нибудь, типа чертежей машины времени, чтоб обратно смыться на свой родной автосервис.

Глава третья

Первый конник

Приблизившись к пастбищу, Данила обогнал Григория и первым подошел к группе боевых коней, рядом с которой обреталось несколько ратников. Ратники при ближайшем рассмотрении больше походили на отроков, как называли в древности вполне созревших для тяжелой физической работы подростков. Судя по всему, сообразил Григорий, этот молодняк старшие витязи в качестве шефства заставляли пасти коней, таскать тяжести и делать всякую черную работу, которую сами делать не хотели. В общем, местные деды припахали салаг. Забубенный решил, что дедовщина стара как мир. Армия, она и в древней Руси армия. Видимо, если копнуть глубже и отвлечься от расовых различий, законы людские везде одинаковы. А человек вообще не меняется в своей жизни. Если бы у него не было зеркала, то он бы и не узнал, что стареет.

Данила поманил пальцем одного из отроков, широкоплечего детину, что был ростом не ниже самого Григория, который и сам мог здесь сойти за богатыря.

– Внимай, Изяслав.

Детина отошел от коней и приблизился к ним.

– Этот неизвестный муж с нами в Чернигов поедет, – он, не стесняясь, указал пальцем на механика-новатора, – Воевода велит стеречь его как зеницу ока. Если что, ты в ответе будешь. А Черный и Митяй тебе послужат подмогой.

Широкоплечий Изяслав молча кивнул. На его скуластом лице отразилось служебное рвение. «Сообразительный отрок, хотя и туповат на вид», составлял мнение о своих новых конвойных Забубенный.

– Идти далече, так что усадите его на Савраску, что везет копыя. Руки не связывай, если что, руби голову. Воевода велит так. Вот только свезет ли Савраска столько? – шутливо поинтересовался у отрока Данила.

Изяслав бросил взгляд через плечо на здоровенную белую лошадь, что паслась в десяти шагах, смерил взглядом Григория и тоже усмехнулся. А затем выдал свое заключение.

– Тяжело конечно ей будет. Старовата. Но Савраска кобыла смиренная, да тяговитая. Стянет.

– Послушай, Изя, а сколько в ней лошадиных сил? – поинтересовался Забубенный, не выдержав такого оскорбительного обсуждения своих параметров, – а бензину до Чернигова хватит?

Отрок не смутился.

– Хватит. Тут уж недалече осталось, если поспешать.

– Ну, ты меня успокоил...паря, – начал заводиться Забубенный, которому надоело быть чужим среди своих, – Только я на конях никогда не ездил, так что проводи вводный инструктаж.

Изяслав, как оказалось, нисколько не обиделся.

– Ну, вы тут грузите этого, – отдал последние указания Данила, – да сами собирайтесь, выступаем скоро. А я пойду, ратников остальных разбуду, а то проспят воители.

«Да, окончательно уверился Григорий, дедовщина в древнерусской армии процветает. Интересно, а кольчуги с мечами дедам тоже молодняк полирует»?

– Тебя как кличут-то? – незлобиво поинтересовался у своего подконвойного отрок Изяслав.

Немного обалдев от такого хамства со стороны молодежи, Забубенный был как минимум вдвое старше, механик все же ответил:

– Это твою кобылу кличут, а у меня имя есть. Для тебя я Григорий Иванович Забубенный.

На это заявление о суверенитете отрок отозвался целой речью, гордой, длинной, но вполне понятной:

– По отчеству, я только своих родителей зову, да уважаемых людей. А ты пока неизвестно еще, что за птица. Может, порешить тебя придется, а ли на кол посадить. Как выйдет. Так что, извиняй, будем звать тебя покуда для простоты Григорием.

– И на том спасибо, – отозвался Забубенный, обезоруженный убийственной логикой юнца, да напоминанием про вездесущий кол, – показывай свою Савраску.

– И то дело, – Изяслав повернулся и кликнул двух других отроков на всякий случай, а Забубенному указал на здоровенную старую лошаденку, – вот она, твоя лошадь.

Приблизившись вплотную, отрок ласково пробормотал «Савраска» и погладил старушку по волосатому загривку. Лошадь даже ухом не повела, продолжая щипать траву.

– А она не глуховата? – поинтересовался Забубенный, с сомнением осматривая свой гужевой транспорт.

Лошадь только издали казалась белой, а на самом деле была обыкновенной серой масти. С жидкой гривой и кривыми, согнутыми в коленях от постоянных перегрузок, ногами. Это был явно не арабский скакун и не орловский рысак. Больше всего, эта кляча походила на недокормленного тамбовского тяжеловоза. Да и лет ей, судя по всему, было не мало. Кобыла давно вошла в пенсионный возраст, того и гляди, околеет на ходу. Впрочем, для первого раза, лучше не придумаешь.

– Есть маненько, – ответил отрок, – Да это ничего, она итак дорогу до Чернигова знает. Уж сколько лет по ней ходит взад-вперед.

– Ходит? – уточнил Григорий, – это хорошо. А какую максимальную скорость развивает это чудо природы.

– Ты, паря, и взаправду не нашенский что ли? – подивился отрок речам механика-новатора.

Забубенный вовремя спохватился и решил впредь использовать только местную терминологию, разучивая ее на ходу. Благо кругом были сплошь носители языка, а гениальный механик был склонен к изучению иностранных языков.

– Да нет, – быстро поправился он, – я хотел спросить, как быстро ходит этот коник?

– Да не шибко, – успокоил Изяслав, – Все время сзади в обозе идет. Но с норовом. Если вдруг взбрыкнет и сбросит, сразу в сторону откатывайся. Упадешь под копыта, – затопчет. Кобыла хоть и старая, а весу в ней много. Да и тяжести на себе тянет.

Забубенный кивнул и почему-то вспомнил не к месту очередную мудрость, что приписывали народу: «Старый конь борозды не портит».

В этот момент два других отрока Черный и Митяй приволокли к Савраске связку копий богатырских, что замотана была в суровую тряпицу так, чтоб с двух сторон с коня свесилась и ходу его не мешала. Пыхтя от натуги, они водрузили военный груз на Савраску. Приняв его, бедная лошадь осела почти на полметра, но как ни в чем не бывало, продолжала пощипывать травку.

Григорий с сомнением воззрелся на отрока Изю.

Так ты говоришь, что она и меня стянет?

Стянет, не бойсь. Савраска наша кобыла сильная. Полезай давай на нее, а то вон ратники старшие уже на подходе. Скоро двинемся.

Забубенный бросил косой взгляд на приближавшийся отряд во главе с воеводой и снова воззрелся на Савраску.

– А седло? А стремяна? А уздечка?

– Седла Савраске не положено. Она людей не возит, – доступно объяснил отрок, – а управлять ей не надо. Она дорогу знает. Сама пойдет. Полежай, короче, а то свяжем и бросим как мешок через холку.

Бравый механик понял, что настал момент истины. Ощущение было таким же, когда ты не уверен в себе, но сдаешь на права. А рядом сидит недовольный жизнью гаишник, которому ты не дал взятку. И от него зависит, быть или не быть тебе драйвером. Короче, хуже не бывает.

Григорий осторожно приблизился к Савраске и зашел с правого бока. Лошадь не выказывала пока никаких агрессивных намерений. Механик осмелел и положил ей руку на широкую спину, которая по середине разделялась мощным обтянутым кожей хребтом. Поискал по забывчивости стремя, но опять не нашел. Ощущения изменились и стали острее. Теперь он словно стоял в самолете перед открытой дверью, смотрел на бесконечно далекую землю и думал о том, что парашют может не раскрыться, а ему надо прыгать.

– Поспешай, Григорий, – окликнули его сзади голосом brave воеводы, который успел приблизиться со всем отрядом к месту действия и теперь, сидя в седле, наблюдал за ковбойскими трюками Забубенного.

И механик решил. Он подтянулся, двумя руками уцепившись за выпиравший хребет животного, изо всех сил оттолкнулся ногой от связки копий и прыгнул вверх. Земля ушла из-под ног: парашют все не раскрывался. Спина оказалась теплой, но потной. Некоторое время покачиваясь на хребте туда-сюда, Забубенный решил, наконец, принять вертикальное положение, но не удержался, соскользнул и рухнул вниз головой с другой стороны Савраски. Животное даже не шелохнулось, лишь коротко покосилось глазом на нечто, мешавшее ему жевать траву.

Со всех сторон послышался здоровый смех ратников.

– Нет, это не половец. Те с конями за раз управляют, – раздался голос Данилы.

– Да, похоже, ты прав, – согласился с ним воевода, – Эй, паря, давай влезай быстрее. Негоже князя заставлять ждать, он ведь и осерчать может. А мне, моя буйна головушка еще не надоела.

Григорий отчего то сразу вспомнил про вездесущий кол, и ловкости у него резко прибавилось. Он поднялся, обошел лошадь и снова попытался на нее взобраться. С третьей попытки он водрузил свое измученное тело на хребет Савраски, лихо обхватив ее округлые бока ногами, словно потомок Буденного, и упершись подошвами в связки копий. Хотя brave командарм вряд ли согласился бы ездить без седла, ибо мог в пути отбить себе все самое дорогое. Забубенный тоже об этом подумал, но выхода не было, оставалось надеяться на тихходность серой лошадки.

– Ну, чего стоим-то, – поинтересовался окрыленный успехом Григорий, – Уж вечер близится, а до Чернигова вашего, сколько дней пути?

– Сколь надо, – туманно ответил воевода, и, повернув коня своего к лесу, приказал остальным, – Данила, впереди со мной ты да Никола с Курей, остальным держаться вместе, лес темный впереди, ну а что надобно делать отрокам, они про то ведают.

– А мне чего делать? – уточнил Забубенный.

– А ты за холку держись, – посоветовал Путята проезжая мимо, – а то, ежели упадешь отроки ведь невзначай и зарубить могут, подумают, что утечь ты решил, паря. А я с тобой еще разговор не кончил. Он у нас еще долгий впереди, если повезет тебе.

– Ну, я, конечно, постараюсь, – кивнул Григорий, – Но за вашу Савраску отвечать не могу. Старушка уже не в своем уме, немного.

– А ты не за нее, ты за себя думай, – сказал воевода и отдалился.

Названные бойцы устремились за ним, а Данила среди них оказался тем самым знаменосцем, которого Забубенный узрел одним из первых в этом странном мире. Савраска, заметив шевеление вокруг себя, пришла в движение и подняла голову от земли. От неожиданности

Григорий чуть опять с нее не свалился, но, вспомнив про наставления Путяты, вцепился, что было сил в холку. Савраска, между тем, вырулила на курс и мерным шагом устремилась за авангардом. Основная часть ратников княжеских ехала впереди, за воеводой. Позади Забубенного виднелись только легковооруженные отроки, которым было велено не спускать с него глаз.

Положение пленника было не очень приятным, но положение «сидя на колу» прельщало механика еще меньше. Хотя и в чужом времени, а помирать все равно было не охота раньше срока. Поэтому Забубенный как неглупый мужик решил приноровиться к обстановке. Прежде всего, следовало научиться ездить верхом. Савраска для начала подходила неплохо, потому что шла не быстро, но ее хребет все равно то и дело прогибался под всадником, и часто это происходило неожиданно. Поэтому механику приходилось все время находиться в напряжении, вцепившись руками в холку, а ноги уперев в связки копий. В конце концов, он нашел положение, при котором его многострадальный зад чуть реже соприкасался с хребтом животного, очень скоро показавшимся ему тверже дерева. Это положение Забубенный гордо окрестил про себя «стоя в стременах». Проболтавшись таким манером не меньше часа, за который он умудрился ни разу не свалиться, он уже ощущал себя лихим кавалеристом, или, по меньшей мере опытным наездником. Спустя еще час или около того, он уже был уверен, что в его жилах течет кровь еще не родившегося Буденного.

Между тем, отряд, покинув деревню, почти сразу углубился в замшелый лес. Только слегка приноровившись к ходу Савраски, которая, похоже, всю жизнь передвигалась на автопилоте, Григорий стал иногда бросать короткие взгляды на окружающий его мир. Вокруг был лес густой, да поросшая мхами земля. Солнце, клонившееся к закату, едва пробивалось сквозь густые ветви, освещая узкую тропинку, по которой ехали воины черниговского князя. Кони ратников, ступая на мягкую землю, вязли, а Савраска под двойным грузом вообще уходила в нее чуть ли не по колени, потому что отряд весь двигался вперед не быстро. Воевода то и дело покрикивал на своих вояк, поторапливая их. Видно, его на самом деле князь ждал, который в случае опоздания по головке не погладит.

Впрочем, Забубенного это в данный момент жизни совсем не интересовало. Он думал о том, будет ли скоро привал, ибо если его в ближайший час не предвидится, то он рискует все-таки отбить себе самое дорогое. С этой мыслью он буравил взглядом алые плащи ближайших всадников, сидевших себе спокойно в седлах, да болтавших о всякой всячине. Седла у них были, конечно, убогонькие. В своем времени Григорий видел седла и покруче. Но, жить можно. И ездить можно. А вот ему даже на тихоходной Савраске без седла приходилось туго. Слава Богу, хоть связки копий, притороченные по бокам, имелись. На четвертом часу скачки механик приноровился на некоторое время вставать на них, давая отдых задней части тела, которая была более привычна к мягким сиденьям автомобилей, а потому уже ныла и болела. Радовало лишь одно, от такой тренировки попа скоро должна была закалиться, и стать крепче стали. Если удастся выжить, потом можно хоть на кактус садиться, все будет нипочем.

И вот когда новоиспеченному кавалеристу Забубенному стало уже все равно, в каком мире помирать в своем или в древнем, прозвучала команда «Встаем на ночлег». В это мгновение Григорий подумал, что воевода по-своему не такой уж плохой человек. В глубине души сохранилось в нем что-то доброе и душевное. Видно, походная жизнь не располагала к нежностям, а также излишней заботе о ближнем. Но за команду «Встаем на ночлег» в этот миг Григорий уже готов был простить ему все измышательства над собой.

Савраска, между тем, команды не слышала и продолжала двигаться на автопилоте в голову уже остановившейся колонны. Григорий решил, что ему пришел конец, ибо самостоятельно остановить это неуправляемое чудо природы он просто боялся. Но, к счастью, отрок Изяслав, видно знал о странностях своей подопечной. Он обогнал Савраску и на ходу ласково хлопнул ее по уху. Лошадь встала как вкопанная. Забубенный не ожидавший таких маневров от задумчивой кобылы, не успел подготовиться, резко подался вперед и рухнул вниз, прямо

под копыта своему тяжеловозу. «Все, – промелькнуло в измученном сознании, – сейчас голову отрубят».

Однако, Путята рассудил по своему. Он велел всем ратникам, кроме Данилы, да ближайших помощников, отправляться на сбор сучьев, пока еще не совсем стемнело. Нужно было соорудить костер для обогрева и приготовления еды. Видать, еще долг был путь до Чернигова. Хитрил воевода, не зная, кто таков есть Григорий Забубенный.

Ратники по команде воеводы рассыпались по лесу, и скоро запылал костер на поляне, где едва смогли разместиться все воители, которых было не больше трех дюжин. Коней оставили, привязав рядом под деревьями. Предтечу Буденного воевода черниговский велел к костру принести, ибо сам Григорий ходить еще не мог. Лежал там, где и упал, под копытами своей Савраски, которая, к счастью снова потеряла интерес к окружающим, тихонько пощипывала кустики мха и лизала кору сосны ближайшей.

Отроки Черный и Митяй сперва разгрузили Савраску, сняв с нее тяжеленные копья, а привязывать не стали, рассудив, что никуда она не денется. И лишь покончив с поклажей, вытащили из-под тягловой кобылы Забубенного. Был механик жестоко скрючен, словно заклинило его в позе наездника, или как он сам называл ее «стоя в стременах». Как был скрюченный, так и приволокли его отроки, да бросили рядом с костром под ноги воеводские. Само собой, что о побеге он теперь и не помышлял. Он вообще плохо соображать стал, как с кобылы сверзнулся.

Сколько времени Забубенный провел в полузабытии, точно не знал и сам. Однако, постепенно затекшие члены стали размягчаться и распрямляться сами собой. Все это время ратники готовили на костре невесть откуда появившихся зайцев. А когда кто-то из них толкнул механика в бок и сунул под нос запекшийся кусок зайчатины, Забубенный и вообще воспрянул духом.

Запах свежезажаренного мяса приятно щекотал нос, по сравнению с запахом потной Савраски, который пытал Григория весь прошедший день. Григорий мгновенно позабыл про свои раны. Сел, привалившись спиной к сосне, и вцепился зубами в зайчатину. Мясо было жесткое, но механик, ничего не евший еще с прошлой жизни, буквально рвал его на части, поглядывая на остальных ратников. Сам Путята, Данила и все прочие воины, сидя вокруг костра, насыщались трапезой приятной. Но Григорий, быстрее всех разделался со своим зайцем и стал поглядывать по сторонам, не дадут ли добавки. Голод вдруг в нем проснулся зверский.

– Да ты, я смотрю, ешь то по-нашенски, – похвалил его Путята, разделавшись со своим зайцем и вытирая руки о штаны, – Пора продолжить разговор наш пришла. Так из каких земель-то родом будешь, путник неизвестный?

– Родился я сам в Питере, – начал было Забубенный, но быстро поправился, – ну то есть в землях северных, что рядом с морем северным лежат. А сродственники мои, те вообще из Новгорода родом происходят.

– Вот значит, откуда ты, – довольно осклабился воевода, – из Новгорода. Теперь понятен мне нрав твой буйный. В землях ваших и князей-то уважать не хотят, всяк боярин на свой лад талдычит. Хотят, зовут к себе князя, хотят, изгоняют. У нас паря, не так. У нашего князя не забалуешь. Он у нас голова, не то, что ваши бояре, которые с жиру бесятся. Да воротят, что хотят. Никто им не указ. Новгород, оно конечно, богатый город, да больно своенравный. Разумею, добром это не кончится. Но и Чернигов, паря, не хуже.

«Ладно, хрен с ними, – подумал Григорий, – буду новгородцем, раз уж им так понятней. Тоже ничего, кстати, город. Не из последних. Да и правда это почти, по крови-то я как раз новгородцем получаюсь. Память предков заговорила».

– Да я что, – нашелся Забубенный, – Я разве что сказал. Классный город Чернигов, спору нет. И князь у вас молодец и воевода у него просто супермен. Даже бэтмен.

– Ты паря, говори да не заговаривайся, – остановил его Путята, – Не понять мне тебя иногда. Где это ты иноземных словесов понахватался? С караванами купеческими ходил, что ли в земли отдаленные?

Забубенный призадумался «Врать, не врать»? Решил врать. После освобождения от бесконечных скачек у него наступила временная эйфория. Требовалось расслабиться. Жаль, водки не было, зато хоть потрепаться можно. Все легче станет.

– Ну да, было дело. В заграничку ходил многократно. Ну, там, в Швеции бывал, в Германии. Во Франции пару раз. А дальше всего ходил я за море-окиян западный на Кубу, такой отдельный остров в Карибском море расположенный. А дальше за ним большая земля есть, где живут индейцы. Ну, это люди такие, что перья себе в голову натычут, морду краской намажут и по полям скачут, охотятся. Или весь день поют песни.

– Это что ж за люди такие, – подивился один из ратников, – полоумные что-ли?

– Да брешет он, – заявил Данила, и уточнил диагноз, – Никто море-окиян переплыть не может. Как с Савраски сверзнулся, так у него сейчас только разговор прорезался. Вот и брешет.

– Нет, не брешет, – вдруг вступился за него ратник, сидевший по соседству с Данилой на поваленной сосне.

– А ты почему знаешь, Куря? – поинтересовался черноусый Данила.

– А потому знаю, что лет пять назад гостил в Новгороде. Не дружинником князя черниговского я тогда был, а воином свободных занятий. Нанялся я охранять местных купцов, а те меня к каравану добытчиков приставили. Вот и побывал я с новгородскими ушкуйниками в дальних походах. А они тогда ходили свои северные земли объясачивать. Вот в тех то походах и видел я промеж людей обычных, особенных людей, что украшали себе головы перьями, морды мазали краской, да выкуривали всякие зелья, а потом в пляс пускались, в бубен наяривая. Это они так духов лесных задабривали, чтоб на охоту везение выходило. А людишки те прозываются у них шаманами, то бишь колдунами по-нашенски.

– Это что же выходит, – рассуждал сам с собою Данила, – что Григорий бает, будто народы заморские все в шаманах-колдунах ходят?

– Да нет, мужики, – попытался объяснить Забубенный, – это у них как бы одежда такая из перьев, ну как у тебя штаны, да рубаха. А шаманов среди них тоже немного.

– Что же за чуда в перьях такие? – опять удивился Данила, – А погоды там какие? Тепло там или холодно?

– Да по-разному, – продолжал рассказывать Забубенный, – на одном берегу жарко. Там почти все голые ходят, крокодилы плавают в речках, да пираньи – рыба такие, что людей едят. А на другом берегу той земли холодно, как на нашем севере, все в мехах завернутые живут.

– Велика, видеть та земля, – вставил слово воевода, – А прозывается она как?

– Америкой прозывается, в честь одного морехода иноземного.

Путята призадумался.

– Викинга, что ли? – уточнил воевода.

– Нет, не викинга.

– Думаю я, что брешешь ты, маненько, Григорий, – рассудил воевода, – Нет такой земли на свете, чтоб викинги туда не смогли доплыть. Им все ведомо. А если есть земля большая за северным морем, то там и людей быть не может, ибо никто еще оттуда к нам не доплывал. Значит, должно там быть адским местам, да господним страхам. А людям там делать нечего.

Промолчал на это Григорий, не стал спорить с воеводой. Пусть себе думает, что нет Америки. Ее ведь и правда нет пока. А может и не будет вовсе.

Глава четвертая

«Темные люди»

Тем временем ратники дожевали свою зайчатину. Трапеза закончилась, пришло время отходить ко сну. Поразмыслив о чем-то, Путята позвал знаком помощника:

– Данила, выставь кругом крепкие дозоры. Мы еще не на своей земле, хоть и рядом, а в лесу этом, сказывают, много беглых людишек колобродит. Могут ночлег нечаянно подпортить. А нам это ни к чему.

Данила кивнул и, кликнув дюжину ратников, растворился среди деревьев в наступившей темноте. Оставшиеся бойцы, сняв седла с коней и положив мечи рядом с собой, стали прямо на земле укладываться на ночлег. У Забубенного не было ни седла, ни меча. Лежал он, завернувшись в накидку данную ратниками прямо на земле, на каких-то кочках и корнях у огня, но и этого ему было сейчас довольно. Главное, что бешеная скачка прекратилась хоть на время и его измученное тело не бьется поминутно о хребет Савраски.

Скоро Забубенный почувствовал признаки сытости. Тепло от костра хорошо согревало. В голове появились первые приятные за сегодняшний день мысли, хоть и не лишённые странности. О том, что завтра не надо на работу, о том, что хотя теперь он и в другом времени, но лежит сытый у костра, что не надо пока никуда скакать, что его пока не посадили на кол и это хорошо, и что гори оно все огнем и можно спать. Григорий бросил из-под накидки мутный взгляд на Путяту, что сидел напротив у костра вполголоса обсуждая что-то с возникшим из темноты Данилой, и провалился в глубокий заслуженный сон.

Сначала ему приснилось, что он дедушка Ленин на охоте в селе Шушенском. Кругом половодье, стихия бушует, а он бесстрашный герой с берданкой в руке. Набрел случайно на островок суши, еще недавно бывший пригорком у низкого берега, а теперь со всех сторон затопленный водой. Не глубоко вокруг пока, почти по колено, но вода все пребывает. Глядит герой, а на островке том зайцы, от суши отрезанные мечутся. И множество их там попало, целая дюжина за раз. Обрадовался герой, вскинул берданку и давай палить по зайцам, которым деваться с острова некуда. Вот потеха началась. Почитай всех и уложил, только самые пугливые в воду бросились, да и унесло их невесть куда, а остальные все здесь остались. На мясо, да шкурки пошли. Знатный трофей достался тогда Ильичу. Три дня все ссыльные товарищи в деревне гуляли, а он сам прослыл охотником первейшим среди них.

После явился ему образ красного командарма Буденного, что в туалете перед зеркалом себе усы мазал всякими примочками. Стояло перед ним много всяких баночек с пудрами и мазями. Сам командарм был облачен по случаю утреннего моциона только в белую рубаху да пролетарские штаны с лампасами, что держались на теле благодаря кожаными ремням-подтяжкам, крест накрест перекинутым через плечи. Рядом на походной тумбочке лежала огромная сабля командарма, внушавшая ужас всем его врагам. Буденный очень любил, когда не воевал с врагами мировой революции, бриться этой саблей по утрам. Очень уж она острая была, наточилась о вражьи головы за время боев. Вот и сейчас командарм, покончив с установкой геройских усов под правильным углом, взял саблю в руки и с удовольствием провел ногтем по краю лезвия. Видно, остался доволен, а потом вдруг наклонился к незримому Забубенному, как толкнет его рукой в плечо, да как заорет:

– Кончай спать паря, а то на том свете отоспишься!

Открыл глаза механик, да не поймет спросонья, где он и что случилось. Может, опять в свое время вернулся. А может, случилось что. Протер глаза, а кругом мрак, не видать не зги. Только уголья костра тлеют перед ним. Пригляделся кругом Забубенный, а вокруг почти потухшего костра в темноте какие-то неясные тени шмыгают, крики слышны, да звон сши-

бавшихся мечей. То и дело с разных сторон раздавалось бравое улюлюканье да молодецкий посвист.

Рядом с собой в неверных отсветах углей узрел он ратника Курю, что в разговоре про шаманов его неожиданно поддержал. Ратник был при оружии, держал в одной руке меч, а в другой щит.

– Чего случилось то? – спросил еще не до конца проснувшийся механик, привыкший к удобствам своего века: теплomu туалету и чашечке кофе после пробуждения. А оттого, что обнаружил себя снова в лесу замшелом у потухшего костра, неизвестно в каком времени, сделалось ему снова грустно.

– Разбойнички пожаловали, – сообщил Куря, – а отроки, что стеречь должны в драку кинулись, да про тебя забыли. Не связали даже. Ну да с ними после разберемся.

– Пост, значит, покинули, – согласился Забубенный, – Только чего меня стеречь. Куда я денусь-то в лесу темном?

– А кто тебя знает, – диким шепотом проговорил Куря, – может то дружки твои пожаловали тебя выручать. Давай-ка я тебя пока к дереву привяжу, непонятный человек, так надежней будет.

Механик проснулся окончательно. Кругом во мгле шла настоящая сеча между ратниками и разбойниками. Сколько их было не ведомо. И чем дело кончится тоже не ясно. В этой ситуации быть привязанным к дереву совсем не улыбалось. Либо те кончат по случайности, либо эти.

Неожиданно через тлевшие уголья перепрыгнул здоровенный мужик в мешковатой одежде и кривой саблей в руке. Не успел механик опомниться, как мужик рубанул воздух над его головой. Точнее, снес бы головушку, если бы Куря не толкнул механика в сторону, а сам одним точным движением не всадил меч нападавшему в брюхо. Мужик тихо вскрикнул и, выронив саблю, рухнул прямо на угли костра. Запахло жареным.

– Слушай, Куря, – проговорил Забубенный, вставая, – сам видал, меня чуть не пришили сейчас. Не мои это друганы. Зачем тогда меня связывать? Они же меня первыми и порешат у того дерева. А так я может, еще пользу окажу обществу.

Куря посомневался.

– Ладно, хоронись здесь, а ли бей разбойничков, чем сможешь. Но помни, сбежишь, – мне воевода голову с плеч. А если жив останусь, сам тебя найду и зарублю.

– И на том спасибо, – ответил Забубенный вослед исчезнувшему в темноте ратнику.

Затем Григорий попятился в темноту от костра подальше, прильнул к сосне, осмотрелся, прислушался. Темень, конечно, была кругом хоть глаз коли. Смотри, не смотри, все одно ничего не увидишь. Только на слух приходилось полагаться. А, судя по звукам, доносившимся отовсюду, основная сеча шла с той стороны потухшего костра. Звенело и орало там больше всего. Справа тоже бились круто, но народу там было поменьше. Слева также, а вот за спиной только отдельные крики раздавались. «И как они в темноте разбирают кто свой, кто чужой, – подумал Забубенный, – нет ведь никакой электроники, ни приборов ночного видения, ни тебе оптики. Весло живут. Мочи всех подряд, а утром разберем, если живы будем».

Промелькнула таки в головушке мысль о побеге. Сзади бились меньше всего, может, и удалось бы прошмыгнуть пока идет такая свалка. Только потом куда? А черт его знает, лишь бы ноги унести. В Задумчивости Григорий сделал шаг назад и упал, оступившись на спину. Земля была мягкая, прогнулась даже под телом механика, но все равно что-то больно ткнуло его в спину. «У меня же рюкзак за плечами, вспомнил Забубенный, а там фонарик. Жаль только ножик потерял, когда к деревенскими бился, честь свою отстаивал. Да толку от ножа сейчас все равно нет, куда с ним против шашки».

Механик перекатился на бок, рванул застежку на груди и сдернул рюкзачок со спины. Расстегнул молнию, вытащил фонарик. Нажал на кнопку, – в землю ударил широкий луч света.

«Работает, – по-детски радостно пронеслось в голове». Григорий мгновенно выключил его, чтобы не светиться, но было поздно. Его засекли.

– Глянь, Косой, вон там чегой-то сверкнуло, – раздалось в десяти шагах от распластавшегося на земле механика, – можа, злато светится у костра?

– Да где оно твое злато, Рваный, – рявкнул в ответ невидимый Косой, – ты что говорил, что купцы одни поедут, без охраны почти. Не боле пятерых ратников обещал.

– Так и было, – ответил Рваный.

– Ну, втихаря подойдем, говорил, тепленькими возьмем и деру. Ищи нас потом как ветра в поле.

– Так и было, – подтвердил Рваный.

– Ну, а тут что деется? Тут, рыло твое тупое, одних ратников не меньше трех дюжин, вон половина людишек наших лихих полегла уже. А злато где, а купцы куда подевались? Ты вообще нас, на какую поляну навел, гнида?

Рваный молчал, впервые засомневался.

– Да дело верное, мне человек шепнул, что поедет по дороге черниговской купчина с наваром, да почти без охраны. За день до Чернигова не доберется. На ночлег встанет в лесу, а тут и мы подоспеем. Так и было, атаман. Зуб даю.

– Короче, Рваный, – решил атаман, – ты мне голову свою отдашь, если мы тут ничего не найдем. А с человека твоего кожу сниму самолично.

«Жестокие нравы, – подумал Забубенный пытаясь отползти подальше в сторону от сходняка разбойников, – прямо «Коза Ностра» или «Бригада» какая-то». Но в этот момент прямо на него выскочило, судя по шуму и визгам не меньше пятерых душегубов, то ли спасавшихся бегством, то ли заходивших в тыл ратникам Путяты. Один из них споткнулся о лежавшего на земле механика и со всего маху ударился головой о пень. Окрестности огласились диким криком и забористой руганью.

– Это чо тут под ногами валяется? – спросил темноту один из остановившихся разбойников.

– Глянь, Сень, оно шевелиться? – трусливо поддакнул второй, – медведь может? Пойдем отсюда.

– Сдурел, медведь, – Семен наклонился, и наугад схватили Забубенного за одежду, пригляделся, – медведь поширше будет, да тихо так никогда не ползает. Это мужик какой-то не из наших. Из купеческих холуев, видно.

Спутник Семена сразу осмелел и крикнул визгливо:

– А ну вставай, злато отдавай, а то мы щас тебя решать будем.

«Ну, все, настал момент истины, – решил механик и вскочил на ноги». Бежать было не куда. Первое что пришло в голову, это дурацкая мысль о страшилках. В детстве Григорий с друзьями любили так дурачиться в пионерлагерях и пугать вожатых и друг друга по ночам. Механик широко открыл рот, врубил фонарик и направил луч себе в рот, так что осветились только зубы. На всякий случай он даже тихонько зарычал.

Сработало на все сто. В наступившей тишине послышался глухой звук падающих на землю сабель и кистеней. Разбойники на несколько секунд ослепнели, а затем из груди Семена донесся сдавленный хрип:

– Атас, нечистая....

На подкосившихся ногах все, кто стоял перед освещенным механиком, с криками разбежались кто куда, огласив окрестности диким воем. «Не на того напали, – подумал им вслед Григорий, выключил фонарик и снова растворился в темноте».

Спутник Семена, трусивший больше всех, с разбега налетел на своего атамана, что стоял в десяти шагах от места событий, прислушиваясь к тому, что происходило в темноте. Косой схватил его за шиворот и рявкнул:

– Ты че орешь, дура, раньше времени смерти захотел?!

Разбойник продолжал вырываться, махать руками и орать на весь лес:

– Там, там, там... нечистая, лешак, мертвечина!!!!

– Ты чо несешь, дура!

– Оно светиться во тьме и зубы вот такие...

– Ты чо...

В этот момент Забубенный решил пойти в атаку. Он под шумок приблизился к разбойникам, оскалил пасть и снова включил фонарик. Атаман по кличке Ванька Косой хоть и был не робкого десятка, но фонариков в своей жизни еще не видел. Эффект неожиданности снова отменно сработал.

Косой разжал пальцы, отпустил разбойника, который тут же с ревом унесся в темноту, и пробормотал:

– ...И правда мертвяк...

– Светится... – подхватил Рванный и заорал во все горло, – тикай братцы, нечисто тут!!!

Бросив саблю, браваый атаман Ванька Косой, наводчик Рванный и его спутники с воплями бросились врассыпную. Бегство их добавило суматохи в сечу, что еще шла вокруг, но уже близилась к своему концу. Душегубы теснили ратников черниговских повсюду, ибо числом их втрое больше было. И скоро всем воинам пришел бы конец, но, услышав крики атамана, разбойники решили, что напали на заколдованное место. Видно, проклятый клад был у купцов, и бились они уж много времени с мертвяками, в которых те купцы оборотились вместе с охраной. То-то никак одолеть не могли разбойники охрану купеческую, числом малую, как им напел Рванный. Побросав оружие, разбойники разбежались с криками по лесу, а через пять минут их уж и след простыл.

Увидав неожиданное бегство ратники Путяты, решили, что отбились от нападения и стали собираться к угольям костра почти потухшего. Потери посчитали. Тяжко им пришлось, разбойников-то много больше было. Порубили душегубы в сече ночной семерых из ратников черниговских, среди них двое отроков было: Черный и Митяй, по неопытности сгинувшие.

Но об этом Забубенный позже узнал, а сперва, как разбежались разбойники по лесным закоулкам, он, подивившись магической силе фонарика своего, минут пять думу думал: тикать или не тикать на свободу. Решил пока не тикать. Остаться с Путятой до времени, он же теперь, можно сказать, воеводе пользу принес и верность партии доказал. Может и награда какая выйдет теперь или премия. А если так, то Путята мог при случае за него и словечко замолвить. Ведь не последний человек в местной иерархии, да и с князем тусуется. А ну как в будущем сгодится это знакомство, подумал дальновидный механик.

Порешил так, и к костру стопы свои направил. Сильно не скрывался, шел прямо на звук, ну и вышел на ратников, а те как раз потери считали. Услыхали они, как ветка под ногой чьей-то треснула, за мечи схватились. А Забубенный сдуру решил над ними подшутить, взял и снова фокус с фонариком выкинул.

Ну, ближайших ратников как ветром сдуло. А за ними и все остальные устремились. Окрестности опять огласились дикими воплями. У костра только воевода остался да Данила, его верный помощник. Стоят, за мечи, схватившись, всматриваются. Сами от страха сквозь землю провалится готовы, но с места не сдвинулись.

– Ну а вы что, служивые, честь мундира бережете? – не удержался от ерничества Забубенный, – чего со всеми деру не дали?

Путята и Данила переглянулись. Воевода сплюнул, опустил меч, воткнув в землю.

– А нам нечисти не пристало бояться, – ответил Путята, – так это ты по лесу шатаешься да огонь из руки выпускаешь? А я-то думаю, чего это разбойничков Васьки Косого как ветром сдуло. Не резон им было дело бросать по середке. Еще чуток и порубили бы нас под чистую.

Григорий подошел поближе и сел на пенек, оставшийся от поваленного дерева. Выключил фонарик.

– Это точно, господа ратники, так что цените, это я вас спас. С помощью своего огненного друга. Так что, с вас причитается. Минимум поллитра.

Путята с Даниилом хоть и храбрились, но приближаться к механику пока не спешили.

– Так ты, паря колдун, что ли? – раздался законный вопрос.

Над поляной повисла тишина. В лесу еще царил мрак, но над верхушками деревьев уже понемногу светало.

Забубенный призадумался. «Вопрос, конечно, политический. Скажу колдун, а вдруг здесь колдунов тоже на кол сажают. Хотя, с другой стороны, если скажу что не колдун, все равно не поверят. Я же с фонариком по лесу шатался, разбойников разогнал, да своих распугал. Народ-то темный. Физики с математикой не знают, про электричество и слыхом не слышали. Эти любого фокусника в колдуны запишут». Рассудив так, Забубенный ответил.

– Нет, не колдун я. Так, умею кое-чего сотворить, да фокусы показывать. Такой же мужик я, как и вы, в общем.

А поскольку ситуация позволяла, то на всякий случай Забубенный пригрозил.

– Но если кто меня соберется обидеть, того враз обращу в придорожный валун.

Путята присел на поваленное дерево. Данила опустил с ним рядом и подкинул сучьев на почти потухшие угли. Сучья, весело потрескивая, загорелись. Поляна осветилась, темнота отступила за ближайшие деревья.

– Я сразу смекнул, что не так ты прост, как кажешься, паря, – после долго молчания изрек наконец воевода, – а чего это у тебя за посох, из коего свет исходит?

– Да это фонарик «Варта» на двух батарейках, – просто ответил Григорий, снова нажал на кнопку и скользнул лучом по деревьям. Воевода с Даниилом вздрогнули, потянувшись к оружию, – Хорошая вещь. Не раз выручала в походах. Подсветить где темно. Вот и теперь пригодилась. Жаль только, батарейки не вечные. Не придумали таких еще.

Ратники сидели насупившись. Смотрели в костер.

– Опять ты чудно заговорил, – сказал Путята, – Не новгородец ты паря, ой не новгородец. Чует мое сердце, что не отсюда ты. Больно уж чудной. Уже решил, что разгадал я тебя почти, а теперь опять что думать не знаю.

– Да новгородец я, новгородец. Не загружайтесь, гражданин начальник на эту тему, – успокоил его Забубенный, – Просто я новгородец с фонариком. Если хотите, черт с вами, буду колдуном. Но не долго.

Ничего не ответил Путята, снова замолк. А когда опять дар речи к нему вернулся, то его интересовало теперь только одно:

– Так ты с нами в Чернигов-то поедешь, по своей воле? Или заколдуешь всех придорожными пнями?

Ободренный действием своей угрозы, механик понял, что и в этом мире можно устроиться, если вовремя подсуетиться. Повезло ему с фонариком, что ни говори. Приятно иметь дело с темными людьми, и на них можно управу найти, даже если они посильнее выходят местами.

– Подумаю, – медленно и со значением протянул Забубенный, – мне торопиться теперь некуда. Так что может и поеду. Надо как-то себя развлекать. Только зачем я-то вам сдался. На кол что ли сажать некого?

– На кол никогда не опоздаешь, – вставил слово добрый Данила.

– А вы меня там со своим черниговским князем познакомите? – поинтересовался Григорий, пропустив мимо ушей Данилову присказку.

Путята снова переглянулся с помощником.

– А зачем тебе? Порчу наводить?

– Да, ну, что вы, граждане, – успокоил их Григорий, – порчу только на плохих людей наводить можно. А ежели ваш князь мужик хороший, то все будет о'кей. Обойдемся без порчи. Да я может ему службу еще какую сослужу.

– Князь у нас на то и князь, чтоб ему решать, кто плох, а кто хорош, кого на службу брать, а кого метлой гнать, – ответил воевода, – а я его верный пес и оборонить его должен ото всех врагов. И от нечисти, если придется. А то сейчас время темное, всякое может случиться.

Забубенный, заинтригованный недомолвками воеводы, спросил напрямую:

– Да что происходит-то вокруг, мил человек, расскажи. А то схватили меня, везете куда-то супротив воли. Я вас от смерти спас, можно сказать. А сам, как ты понимаешь, даже не в курсе.

Воевода вздохнул и нехотя проговорил.

– Думал я тебя обспросить, может, что знаешь о черных делах, что ныне творятся в половецких землях, – сказал воевода, – Что за дикие люди с гор спустились, да начали по степям колобродить. Да видать зря хотел, ты не половчанин, это ясно теперь. Так что и не знаю, нужно тебя в Чернигов теперь везти, а ли нет. Непонятен ты мне по-прежнему.

– Надо бы, – снова вмешался Данила, – ратники такого теперь болтать будут, что без него мы от князя не отговоримся. Слухи пойдут. Надо его хоть показать Мстиславу, а там пусть князь сам решает. Что хочет, то и делает с ним.

– Данила, – напомнил Забубенный про свои тайные возможности, – ты забыл, что я теперь вольный человек. Хочу еду, хочу, нет. Про пень придорожный помни.

Данила осекся. Но потом все-таки проговорил:

– Да князь у нас мудрый. За зря не обидит. Поехали с нами. А за то, что помог нам от разбойников отбиться, да воеводу спас, может и взаправду тебе награда выйдет.

Путята молча посмотрел на механика, как бы подтверждая взглядом слова своего помощника.

– Ну ладно, уломали, – кивнул Забубенный, – Поехали в ваш Чернигов. Я вообще-то люблю путешествия, туризм, горные лыжи. Но, думаю, у вас этого нет еще. Для начала ограничимся осмотром местных достопримечательностей. Только дайте мне седло или коня нормального.

– Ты ж их боишься, – подивился Данила.

– Ничего, я за этот долгий день уже научился, так что как-нибудь справлюсь.

Григорий осмотрелся по сторонам. Уже почти рассвело. Между деревьями сгустился утренний туман, из-за которого корни сосен как будто тонули в нем, а стволы казались висевшими в воздухе. Скоро из-за соседних деревьев стали по одному появляться разбежавшиеся в ужасе ратники. Увидев мирно сидевших у костра Воеводу, Данилу и Забубенного, они осмелели и приблизились. Воевода рассказал всем рабочую версию о том, что Григорий оказался добрым колдуном, и благодаря его чарам была одержана победа над разбойниками атамана Васьки Косого.

Приняв все это на веру, успокоенные ратники стали собирать разбросанное в панике оружие. Одного из коней Путята велел отдать Забубенному, рук не вязать, и впредь считать его свободным. Но на всякий случай велел Изяславу, что чудом выжил в бою, рядом ехать. Вдруг конь взбрыкнет, ведь не Савраска это уже была, а скакун боевой, хотя и не из самых резвых.

Как схоронили погибших, собрался далее в путь черниговский отряд. Путята обещал, что после полудня придут они под городские стены, да пред очи светлые Мстислава Черниговского ответ держать.

Глава пятая «Во Чернигове»

От места ночевки тропа лесная пошла сначала вниз с холма, а потом опять круто наверх. Ехали почти в том же порядке, впереди воевода со знаменосцем, а позади Забубенный с Изяславом. Только количеством ратников поубавилось после нападения разбойников.

Забубенный после ночных происшествий смотрел гордо, словно ему только что присвоили внеочередное звание генерала армии, сразу после младшего лейтенанта. А поскольку новый конь ему попался тоже относительно смирный, из тех, что везли ранее отроков, не брыкался и сбросить не пытался, то новоиспеченный генерал армии весело болтал со своим бывшим конвоиром о всякой всячине, предоставив коню самому идти вперед. Лишь изредка ему приходилось дергать за примитивную уздечку, поскольку конь так и норовил сойти с дистанции, и не торопясь пожевать коры в свое удовольствие на какой-нибудь полянке. Нового коня Забубенного звали Жорик. Имя механику понравилось, приятно напомнив народную кличку «Запорожца» среди работников автосервиса и простых автолюбителей.

В минуты сытости Жорик шел четко по тропе, которая здесь считалась лесной дорогой, давая хозяину возможность пообщаться с Изяславом. Отрок, как скоро выяснилось, довольно спокойно отнесся к смерти своих друзей. Мол, нечего в боевом походе клювом щелкать. Сами виноваты. А смерть она любого ратника ждет, из-за каждого дерева таращится. Да и пожить успели, не младенцами мир сей покинули. Отроки уже.

Забубенный, конечно, согласился, что не младенцами, да только торопиться все равно не стоило. Лет им было в лучшем случае по семнадцать. Хотя, по местным меркам, действительно выходило, что уже не дети. Вспомнились механику всякие книжки, читанные в свое время, где писали историки о времени этом. Говорилось в них, что в тридцать лет мужик здесь считался старым стариком. Редко кому удавалось прожить так долго, ибо неизлечимые болезни, дикие звери, да постоянные войны укорачивали век человеческий очень сильно. И даже сам обычай уважать старших пошел из этих древнейших времен. Поскольку если ты умудрился не умереть от болезней, холеры да чумы, что свирепствовали повсюду, шатаясь с утра до ночи по лесам избежать встречи со свирепыми хищниками, да проведя полжизни в седле боевом не сгинуть от ран, то чтобы дожить до старости, ты действительно мог быть только мудрым и сильным. А потому тебя стоило уважать.

Григорий вообще был большой любитель истории, особенно про русичей читал много. Но только был у него один недостаток при этом: избирательная память на счет событий и дат. То есть, прочитав о чем-то, он вроде бы суть дела запоминал, но вот где это было, с кем и когда в точности сказать не мог. Забывал детали. За это его в школе учителя бранили и ставили двойки по истории, хотя он старался изо всех сил. Ну, вот память у него была такая, избирательная. А вот с языками было наоборот. К иностранным словам Забубенный имел явную склонность и запоминал целые страницы текста очень быстро и без напряжения.

Вспоминая, Забубенный подумал о своих родных временах, в которых любой даже ничемный человек, сторонясь тяжелой работы, да периодически заходя в аптеку, мог дожить до глубокой старости. А человек смелый и работающий мог сгинуть раньше времени от перенапрягов. Обычай же уважать старших оставался в неизменном виде. И подумал о том, что древний взгляд на мир был ему больше по сердцу. Ведь если родился ты дураком, повзрослел, а ума не набрался, ничему не научился – стал зрелым дураком. Ну, а постарел – стал старым дураком. Ну, за что тебя уважать? Только за возраст? Не правильно это выходило. Нет, место в троллейбусе конечно уступать стоит, но уважать по полной программе можно только за заслуги настоящие, а их подтверждать надо.

– А почему поход-то боевой, а Изя? – спросил механик-новатор зацепившись за сказанное отроком слово и решив, пользуясь случаем, разузнать побольше о ситуации, – вроде не на войну идем. А ли кроме разбойничков какие вокруг регулярные враги имеются?

– Враги вокруг всегда имеются, куда ж без них, – нехотя пробасил отрок, – Только это я так сказал, к слову пришлось.

– Ой, что-то ты темнишь, паря, – проговорил Забубенный тоном воеводы и дернул за уздечку Жорика, который в очередной раз направился влево от основной тропы, заприметив вкусную молодую сосенку.

Вернув коня на основной курс, Григорий скосил взгляд назад, где временно отставленная Савраска в одиночестве тащила свой арсенал из копий, и продолжил информационную беседу.

– Значит, говоришь, войны сейчас нет, и копья эти мы так с собой тащим, поохотится, – заметил он, – А что за дела срочные у воеводы в Чернигове? Может рать собирается идти куда?

– Про то мне не ведомо, у воеводы спроси, – отрезал Изяслав и замолчал, словно не хотел более говорить об этом.

Любопытный механик и сам решил не расспрашивать больше Изю. Подумает еще, что шпион засланный. Хотя теперь его и охраняла магическая сила колдуна с фонариком, но кто их знает, надолго ли хватит этого впечатления. Вдруг решат, что вся его сила в фонарике, украдут ночью или отберут, а там и на кол недолго посадить. Кому нужен засланный колдун. Тут, похоже, с этим тянуть не станут. Так что лучше сохранять вооруженный нейтралитет, вдруг сойдет за своего и без фонарика. А как батарейки сядут, что тогда делать? Но об этом механик решил пока не думать. Доберемся до Чернигова, осмотрим город, с князем пообщаемся, а там видно будет, что дальше делать.

Затяжной подъем понемногу заканчивался. Растянувшийся по тропе отряд остановился на вершине лесного холма поджидая последних, то есть Забубенного с Изяславом. По мере подъема механику все слышнее становился какой-то монотонный шум или рокот, явно естественного происхождения. А когда дюжий Жорик взобрался на самый верх и остановился среди себе подобных, рокот усилился многократно. Бросив взгляд в ту сторону, откуда доносился шум, Забубенный узрел внизу меж деревьев широкую синюю ленту воды. Это была река.

– Где это мы? – уточнил механик у воеводы.

– А ты сам не знаешь? – попытался в очередной раз вывести географические познания непонятого путника Путята.

– Да откуда, – отмахнулся механик, – я же говорил, что сами мы не местные, из Новгорода. Тамошние речки знаю, Волхов там течет. Еще Неву знаю, Москву-реку и Черное море. А это что за речка мне не ведомо. Много их на Руси по лесам-полям течет.

– Это, брат, Десна, – ответил за воеводу Данила, с радостью рассматривавший реку, блестящую внизу под холмом, – наша родная река. Кормилица наша. Есть-пить дает. Мы тут все почитай и выросли.

– Так ты что, из рыбаков что ли? – уточнил Забубенный, – тут на мормышку зимой окунь берет?

– Хватит болтать, – перебил его воевода, – князь ждет, поскакали быстрее.

И направил коня по тропе, что спускалась с холма вниз, скоро теряясь среди деревьев.

– А долго еще ехать-то? – попытался уточнить Забубенный, – есть уже охота. Хорошо бы второй завтрак устроить. Привал там, перекур.

Но Путята не удостоил его ответом.

– После полудня будем, – опять ответил за него Данила, – там тебя и накормят.

– Звучит угрожающе, – пробормотал механик, но больше вопросов задавать не стал.

Ратники один за другим снова растянулись по тропе, что вела с холма вниз, а потом вверх по течению Десны. Забубенный с Изяславом и верной Савраской замкнули строй и потрусили следом за основными силами отряда. Похоже, ждать действительно оставалось не долго.

Скоро даже не обученный всяким охотничьим премудростям глаз Забубенного стал отмечать присутствие в здешних местах людей. Раза два попались небольшие костровища справа и слева от тропы, словно кто-то очень аккуратный выезжал на шашлыки и не оставил после себя ни соринки, только пару поваленных сосен. Еще через сотню метров увидел механик небольшой шалаш из веток березы, что стоял, притулившись у дерева метрах в пятидесяти от воды. Григорий решил, что это рыбаки местные соорудили на случай непогоды. А рыбы здесь должно было быть видимо-невидимо.

То тут, то там попадались пни от свежесрубленных деревьев. Кучки конского навоза. Скоро сама тропа расширилась и стала походить на проселочную дорогу. А когда отряд Путяты обогнал телегу с двумя мужиками, что тащилась в том же направлении, Забубенный ощутил приближение местной цивилизации. Казалось, еще чуть-чуть и возникнет из-за угла разлинованный черно-белыми полосами шлагбаум, а за ним пост ДПС при въезде в город.

Шлагбаума не возникло, зато из-за поворота дороги возник передвижной пост в виде пятерых конных ратников, главным из которых был здоровенный детина в кольчуге и блестящем шлеме. Его широкое лицо укутывала огромная черная борода. «Ну, прямо, дядька Черномор, решил Забубенный, подъехав поближе».

Увидев Путятю, детина с бородой чуть не вытянулся по струнке в седле своего тяжело-воза.

– С прибытием, воевода, – радостно пробасил он.

– Здорово, Геронтий, коль не шутишь, – приветствовал его в ответ Путятя, остановив коня, – Ну как дела в Чернигове и окрестностях? Все ли сообразно?

– Тихо пока, – сообщил Геронтий, – Князь, уж заждался. Велел с дороги сразу к нему.

– Ну, то я и сам разумею, – кивнул воевода, – Не будем время за зря терять. А ты неси службу крепко, чтоб ни одна мышь без спросу не прошмыгнула.

– Оно понятно, – кивнул задумчивый Геронтий.

На том и расстались. Отряд ускорил свой ход и поскакал в город по все расширявшейся дороге. А дозор во главе с Геронтием не спеша поехал вперед. Пропуском в Чернигов послужила личность воеводы, сообразил Забубенный. «Интересно а какой паспорт придется предъявлять тем мужикам на телеге что тащились сзади за отрядом, пришла неожиданно мысль в голову механика. Наверняка с рыбалки возвращаются, а ли из местной командировки. Небось, тормознут их бравые ратники на проселке, и давай шмонать: мол, колеса не того диаметра, техосмотр телега не прошла, аптечки нету, короче, – делись рыбкой и вали дальше. Забубенный до того распереживался из-за плодов своей буйной фантазии, что даже обернулся назад, и посмотрел в след предтечам гайшников, которые уже почти скрылись за поворотом дороги.

Еще через пару километров по проселку стали попадаться первые домишки местного крестьянства. Большинство лепилось прямо к берегу Десны. То были либо хибарки, слепленные из обломков древесины, либо вообще землянки, возвышавшиеся над землей только небольшим скатом накладной крыши из дерна. У особо зажиточных домишек виднелись плоскодонные лодчонки. Видно, промышлял народ здесь, как водится у речных жителей, рыболовством на жизнь.

Как бросилось в глаза Забубенному никакими трехэтажными особняками новых русских здесь и не пахло. Наверняка, местные бояре жили в самой крепости, опасаясь вражеских набегов. Ибо в случае войны или разбойного нападения все эти займища и починки первыми попадали под удар и почти полностью выжигались. Гораздо безопаснее было жить гурьбой в городе. Но, как и во все времена, места для всей голытьбы в столице не хватало, вот и приходилось народу обживать ближайшие территории: берега рек, да обочины дорог. Все к стенам крепости поближе, в случае чего можно в стенах спрятаться, а ли в лесу затеряться, жизнь свою спасти. Ну, а имущество, – дело наживное. Сегодня есть, завтра нет и наоборот. Да, судя по мест-

ной крестьянской архитектуре, имущества тут отродясь не водилось. Не было, видать, крепких хозяйственников.

Скоро избушки по краям дороги стали расти в количестве и друг к другу все теснее жаться. Народу бродячего поприбавилось. Люд встречный приветствовал воеводу, останавливался, завидев конный отряд, шапки ломал. По всему выходило, Путята тут был личность известная, полету высокого, не какой-нибудь рядовой ратник. Оно и так было понятно, да только Забубенному непривычно, словно ехал он сейчас рядом с уважаемым генерал-губернатором, да еще предварительно обещал на него порчу навести, если тот не выделит участок под строительство дачи. Как-то даже совестно стало за мистификацию с фонариком и введение власти в заблуждение. Но, вспомнив про обещанный кол, Забубенный передумал и успокоился. Этот, блин, генерал-губернатор, еще птица темная, неизвестно что от него ожидать приходилось из подарков. А кол, – штука реальная.

Тем временем отряд проехал через утреннее скопление народа в слободе и оказался у самого берега реки. Забубенный во все глаза искал признаки деревянного моста наведенного через узкое место Десны, но пока ничего не увидел. Река здесь была конечно гораздо уже, берега расходились всего метров на сто, но при желании утонуть было можно. Путята, не раздумывая, направил коня в воду, за ним последовали все остальные ратники. Лошади с шумом погружались в воду по самое брюхо и шли вперед, осторожно переступая копытами. Когда дошла очередь до Забубенного, он закрыл глаза на мгновение, мысленно перекрестился, и, собравшись с духом, шлепнул Жорика пятками по бокам. Тонуть вместе с лошадей как-то не хотелось. Да и без нее не хотелось. Жорик, не обратив на команду никакого внимания, несколько секунд постоял, размышляя о чем-то своем, а затем ровно вошел в воду и устремился за остальными. Сразу за ним в воду устремился Изяслав, тянувший за узду Савраску с копытами.

Обернувшись через десяток метров назад, механик бросил короткий взгляд на своего первого коня. Савраска рассекала воду словно заправский броненосец, даже груз копий ее, похоже, не смущал.

Еще через десяток метров, почти на середине переправы, конь Забубенного вдруг яростно забил копытами и начал терять дно. Но, почуввав, что земли уже нет, быстро успокоился и поплыл. Видно Жорику, как боевому коню, не рас приходилось форсировать реки. Оно и понятно, с мостами, понтонами и паронами тут были временные напруги.

Григорий посмотрел, что делается впереди, и увидел, что весь отряд уже плывет через Десну на своих лошадях. Довольно сильное течение постепенно сносило ратников вниз, но никто из них не паниковал и не кричал, словно так оно и было задумано. На другом берегу, механик заметил толпившийся народ, для которого переправа ратников был чем-то типа утреннего киносеанса на халяву. А выше, над кронами прибрежных сосен, Забубенный увидел маковки каких-то высоких строений. Похоже, это были башни крепостной стены.

Скоро сильное течение подхватило Жорика и понесло вниз. Забубенный немного забеспокоился. Было холодно и мокро. Повернувшись к рассекавшему рядом воду Изяславу, который тянул за собой на поводке Савраску, механик спросил:

– Слушай, Изя, а у вас тут на реке лодчаны водятся?

Отрок отрицательно мотнул головой.

– Не слышал пока.

– А глубину кто-нибудь мерял?

– Да чего ее мереть-то, пока утопло не много. Да не бойсь, тут не глубоко. Скоро кони дно почуют.

В следующее мгновение, словно услышав слова отрока, Жорик глухо ударил передними копытами о каменистое дно, а через несколько гребков уже скреб по нему всеми четырьмя. Григорий поднял голову и увидел, что Путята с первыми ратниками уже выбрался на берег и

поджидает остальных. Спустя несколько минут аррьергард в составе Забубенного, Изяслава и транспорта типа «Савраска» присоединился к основным силам отряда.

Выбравшись на берег, отряд поднялся вверх по крутому берегу, оказавшись в редком лесочке. Скоро дорога, наконец, вывела ратников на открытое место, сразу за которым Забубенный узрел длинный пояс бревенчатых стен с бойницам, перемежавшихся островерхими башнями. Под стеной был виден не очень глубокий ров. Сама дорога, пройдя через поле, упиралась в ворота огромной величины, сооруженные между башнями. Ворота были закрыты, мост поднят.

Похоже, это смутило Путятю.

– Знать, невесело сегодня князю, – пробормотал он и, прищпорив коня, поскакал к воротам.

Остановившись на краю рва, в котором, как увидел Забубенный, воды не было, воевода неожиданно зычным голосом гаркнул:

– А ну открывай, бездельники, своему воеводе! А ли не увидели кто прибыл, спите что ли?

Из башни высунулось действительно заспанное рыло и мгновенно исчезло обратно. Вместо него, спустя время малое, показалась более достойная личина с бородой и в шлеме, затянутая в кольчугу.

– Нам спать никак нельзя, – философски заметил новый человек и зевнул, – Ибо враг на подходе. А своего воеводу мы завсегда увидим. Здрав будь, Путятя Алексич.

– То-то и оно, – отвечивал воевода, – отворяй, Гаврила Боречич! Князь, ждет.

– Ужо отворяют, отроков послал.

Скоро послышался лязг и скрип за воротами. Дрогнул огромный створ и отворился. Затем и мост под копыта воеводских коней опустился, закрыв собой ров.

Отряд, следом за воеводой, вступил в город.

– Добро пожаловать в Чернигов, – крикнули им в след с башни.

Взору Забубенного, по-прежнему обретавшегося в аррьергарде, предстал древнерусский город. Собственно в книжках по истории ввали не сильно. Общие черты совпадали. Стены со рвом вокруг города. Деревянные лачуги внутри начинались сразу от городских ворот. Здесь их было так много, что появились даже подобиия улиц. Затянутые бычьим пузырем прорубы вместо окон. Дворы, огороженные забором. Помои выливались прямо на улицы, а потому вонища стояла страшная. Даже кони, казалось, с омерзением наступали в помойные лужи, попадавшие под копытами через каждые три метра. Забубенный пожалел, что не захватил с собой противогаз. Впрочем, остальные ратники ничуть не раздражались резкими запахами. Скорее просто радовались прибытию домой и оживленно глазели по сторонам, переговариваясь, словно о том, что изменилось за их долгое отсутствие.

Постепенно продвигаясь вперед одному воеводе известным маршрутом отряд проезжал мимо множества домишек и Забубенный скоро стал улавливать разницу. Город стоял на крутом берегу, на холме, возвышавшемся над Десной, а внутри был разбит на кварталы. Судя по запахам, квартал притулившийся у городских ворот был кварталом кожевников, где мяли кожи и делали всякие полезные штуки от обуви до доспехов кожаных. Потом запахи изменились. Стал преобладать дым и запах металла горячего. Значит, въехали в квартал, где обретались кузнечных дел мастера. И правда, механик-новатор заметил, что дым здесь валил изо всех щелей, повсюду виднелись дома с широченными дверями или просто навесы на столбах, а во дворах кучками стояли здоровенные полуобнаженные мужики в фартуках и колдовали над какими-то сложными приспособлениями. «Меха, – догадался Забубенный, – прообраз марте-новской печи, а это первые литейщики-металлисты». То и дело из-под навесов выбегал какой-нибудь отрок из подмастерья с раскаленной заготовкой меча в руке и совал его в воду. Буду-

щий меч страшно шипел и пускал пузыри, охлаждаясь. Работа во всех кузнях кипела, словно все черниговские кузнецы недавно получили госзаказ.

Неожиданно эта мысль механика получила подтверждение. Остановившись рядом с одним из дворов, Путята знаком подозвал мастера.

– Здрав будь, воевода, – сказал, подойдя вплотную здоровенный потный мужик в грязном фартуке, о который он как раз, не торопясь, вытирал руки. Лоб его и русые волосы были перехвачены тонким металлическим обручем. Как вспомнил Забубенный, таких надо было называть «косая сажень в плечах».

– Здорово, Михайло. Ну что, готов заказ княжеский?

– Почитай все готово, – кузнец Михайло кивнул в сторону выстроившихся вдоль стены кузни новехоньких мечей, – Завтра к утру, как и было велено, все откуем.

– Добро, – удовлетворенно кивнул воевода и подозвал знаком отрока Изяслава, – Нако вот тебе еще работы. Возьми эти копыя, да наостри оконечники, так чтоб щит вражеский пробивали с одного маха.

Изяслав спешил и под уздцы завел во двор кузни Михайло еле передвигавшую ноги после длительного похода и заплыва Савраску, груженную мокрыми копиями. К концу пути видать силы стали покидать престарелую Савраску и, едва ступив на двор, она рухнула на бок под тяжестью груза.

– Лошаденка устала, – резюмировал Забубенный.

Не обратив на припадок Савраски никакого внимания Михайло, подошел к валявшейся лошади, присел на корточки и внимательно осмотрел наконечники копий. Пересчитал, прикидывая объем работы. Видно остался доволен, кивнул сам себе, а потом встал и ответил воеводе:

– После завтра к обеду будет.

– Уговорились, – в ответ кивнул Путята, – этот отрок к тебе заедет за заказом. И лошадь заберет, если еще жива останется.

Теперь Михайло заметил лошадь и посмотрел на Савраску с видом знатока, который не первый день общается с лошадьми.

– За этой-то? – переспросил хитрый кузнец, – да она ж у вас вечная. Отлежится немного, отожрется, ее только подковать маненько и снова тягать тяжести начнет, как молодая.

Воевода понял, куда клонит Михайло, и сказал, как отрезал:

– Ковать не надо, кормить тоже. Она свое пожила. Если оклемается, то заберем. Ты, копыя востри, да ни о чем другом не помышляй. Князю оружие скоро понадобится во множестве. Торопись.

– Оно понятно, – заметил кузнец.

На том и расстались. Проехав еще несколько кварталов, запахи в который уже висели более тонкие, то ли одежду с нарядами там шили, то ли непахучее чего делали, отряд выбрался на небольшое открытое пространство. Забубенный осмотрелся по сторонам и понял, что это была площадь перед воротами в терем княжеский. Путь туда преграждали десять ратников с копиями в руках, что сразу признали воеводу, и срочность его миссии оспаривать не стали, пропустили во двор внутренний.

Оказавшись во дворе княжеского терема, механик стал с жадностью озираться по сторонам. Оно и было понятно, не каждый день простые механики с автосервиса попадают в гости к Черниговскому князю. А терем был знатный, словно из сказки: башни высокие резные с золочеными князю флюгерами в виде рыбок да петушков поверху. Окна повсюду резные с наличниками, а в них не бычий пузырь, сразу видать, а слюда всяких цветов отсвечивала. Да крыльцо богатое резное с колоннами да лавками широкими.

На крыльце том стоял видный муж в дорогих одеждах, золоченых штанах, кушаком подпоясанный. Его широкое лицо с умными глазами, обрамляли волосы черные как смоль и борода

умеренной длины. То и был князь Черниговский, что в народе прозывался Чернявым. А за спиной его тенью виделись два ратника в полной броне с мечами у пояса.

Глава шестая

«Мстислав Чернявый беседует»

– Ну, Путята, пес мой верный, – сказал сей муж, ухмыльнувшись, воеводе спешившемуся, – Долго я тебя ждал. Знать, порасскажешь ты мне немало. Да и я тебя кой чем обрадую. Поклонился воевода стоявшему на крыльце и молвил в ответ:

– Не гневись, княже. Поспешали мы, как могли, к тебе на встречу. Да только много напастей да заминок по дороге приключилось. Вот и опоздали маленько.

Нахмурился князь.

– Нынче время такое, что и день опоздания может много стоить, – отвечал Мстислав Чернявый не то воеводе, не то сам с собою размышляя, – Заходи воевода в терем ко мне потолкуем о делах наших многотрудных. А ратников на отдых отпусти.

Тут присмотрелся пристальнее князь Черниговский к воинам за спиной воеводы на конях сидевших.

– Что-то, я смотрю, людей у тебя поубавилось, а ли отстал кто?

Вздыхнул воевода негромко.

– Да нет, княже. Напали на нас ночью в лесу дремучем разбойники числом втрое более, чем воинов у меня находилось. Сеча была сильная. Почитай на треть ратников моих скосили в бою ночном с лихими людьми. Да еще двое отроков, Черный с Митяем, богу души отдали.

Путята снова вздохнул и добавил, указав на Забубенного.

– Мы бы там и все сгинуть могли, да помог нам человек сей новый. Разбойников распутал колдовством своим.

Забубенный ухмыльнулся и подумал «а воевода, ничего, слово держит, только бы не переборщить с колдовством».

Князь с удивлением воззрился на механика, опосля чего снова спросил Путяту.

– А с каких это пор, воевода, колдуны тебя от напастей спасают? А ли сам уже не в силах?

Промолчал мудрый воевода, склонив голову. Ждал решения княжеского.

– Ну да ладно, – рассудил Мстислав, – заходи в терем, время о деле поговорить. Да колдуна, своего спасителя, возьми, я и его за одно порасспрошу.

Воевода подал знак, и Данила с остальными ратниками выехал с княжеского двора, подняв тучу пыли, отправился на постой. «Интересно, подумал Забубенный провожая их взглядом, а где же у них казарма?». Но ему и самому пора было переходить к действиям. Механик спешился, отдал поводья подскочившим конюхам и двинулся во след за воеводой.

Пройдя за Путятой сквозь резные двери, Григорий оказался в просторном помещении, уставленном по стенам лавками. Из узких окон лился слегка размазанный слюдой свет. «Ни дать, ни взять гостиная, решил про себя механик, только вот с мебелишкой тут туговато. Диванов кожаных не хватает. Наверняка здесь бояре всякие княжеской аудиенции ждут, да в зубах ковыряют. Им на таких лавках и до геморроя не далеко».

Княжеские телохранители, разделившись, шли один следом за своим хозяином, а второй между воеводой и Забубенным. Из светлой горницы в следующую, длинную и узкую, вел проход через двери широкие, по краям которых стояли еще два охранника при оружии и, как полагается, с окаменевшими лицами. «Да, – снова подумал Забубенный, – секьюрити на каждом шагу. Видно, князю Черниговскому приходится постоянно опасаться за свою жизнь. Разборки тут какие-то, наверняка. Борьба за власть. А может, заказал кто из конкурентов?».

Третья горница была обвешана доспехами, копьями, да мечами, напомнив механику музейные залы в хорошем состоянии. Далее из нее было два выхода. Воевода свернул налево, Забубенный тоже. Очередная комнатка больше походила на зал ожидания для нежеланных

гостей. Окно здесь было всего одно, у стены напротив стоял дубовый стол и лавка, а метров в ней было не более десяти. Шедший за воеводой княжеский охранник вдруг развернулся и преградил путь Григорию. Механик резко притормозил, вопросительно взглянув на быка-секьюрити «И чего ему надо? Может, зарубить решил по-тихому?»

– Ты не бойсь, Григорий, – раздался голос воеводы из-за широкой спины ратника, – посиди тут, покуда мы с князем не обсудим дела наши важные. А после судьбу твою порешим. Обожди маненько.

– Ну ладно, – нехотя согласился Григорий, пятясь назад, – только вы там не очень долго. Про меня не забудьте. А я тут пока на лавочке посижу, помедитирую.

– Давай, – согласился воевода, – медитируй, человек.

И скоро его тяжелые шаги затихли, отрезанные очередной дубовой дверью. Григорий осмотрелся по сторонам. Сзади показался еще один охранник и подпер своим плечом косяк, перекрыв пути к отступлению. Оставалось, в самом деле, сидеть и ждать высочайшего решения.

Механик подошел к столу, сел на лавку, опершись спиной о шершавую бревенчатую стену. За спиной по-прежнему висел рюкзачок, а в рюкзаке по-прежнему лежал спасительный фонарик. Неожиданно Григорий ощутил, как он устал за прошедшие двое суток. Спина болела, ноги гудели, отбитая за время скачки попа ныла, словно больной зуб в плохую погоду. Еще влажная после недавней переправы одежда противно облегла тело. Забубенному вдруг страстно захотелось комфорта, посидеть в сауне до десятого пота, расслабиться, а после лечь на мягкий диван, отхлебнуть пива «Балтика» и посмотреть телек. Но действительность предлагала ему жесткую лавку и пустой стол без всякого пива. «Хоть бы аперитива принесли хозяева, – с грустью подумал механик, – и где же хваленая русская гостеприимность? Сиди тут и жди, пока придумают вожди, что с чародеем непонятным делать. То ли наградить за спасение отряда, то ли на кол посадить, чтоб не намутил чего. А может и то, и другое от греха подальше». Всего можно было ожидать.

Но усталость брала свое, и ему даже захотелось спать, несмотря на жесткие доски, на которых покоился сейчас его истерзанный скачкой зад. Забубенный закрыл глаза, и даже задремал на некоторое время. Но подсознание постоянно будоражили навязчивые мысли о том, что еще не время расслабляться. Что его ненароком могут зарезать во сне и надо быть начеку, пока ты не просек всю местную бодягу, то есть расстановку сил. Кто друг, а кто враг. Кто кому и чего должен, а кто нет. И где твое место, человек, в этом новом и непонятном для тебя мире, куда тебя непонятно как, и зачем забросило.

«Впрочем, – подумал механик, взглянув на секьюрити, наглухо запечатавших все входы и выходы из комнатенки, – этим амбалам не надо и дожидаться пока я засну, могут и с живого кожу содрать, если князь захочет. Я все-таки сейчас в их полной власти»

Так прошло не меньше часа. Забубенный, в конце концов, прикемарил немного, решив, что от судьбы не уйдешь. И ему даже привиделся сон приятный про сауну с пивом, как вдруг из-за дверей, за которым укрылся князь Черниговский со своим воеводой для совета, раздался раскатистый смех. Судя по голосу, Мстислав от души потешался над какой-то шуткой Путяты. «Анекдоты они там гоняют что ли, со злостью в полусне подумал механик, лучше бы со мной разобрались по-хорошему, да спать отпустили».

Тяжелая дверь со стуком растворилась от богатырского толчка. Механик даже подскочил на месте от неожиданности. Сон с него как ветром сдуло.

– Ой, и потешил ты меня своими байками воевода, – громко заливался Мстислав, – ой и рассмешил, балагур. Почище шута моего Тришки. Давно я таких баек не слышал.

– Чистая правда, княже, – бубнил обиженно воевода, – огонь из руки выпускать умеет в темноте. Путь освещает без луны. Даже разбойники Васьки Косого разбежались в испуге великом, оружье побросав.

– Да где же это видано, чтоб человек из руки огонь пускал, – продолжал потешаться над воеводой князь, – ты, видать, с глузду двинулся на старости лет, брат Путята. Или медовухи выпил лишнюю чарку.

– Чистая правда, – гнул свою линию воевода, – сам видел. А я еще из ума не выжил. Есть у него посох волшебный, в нем вся сила и держится.

Мстислав прошел сквозь соседнюю горницу и приблизился к столу, за которым кемарил уставший механик. Забубенный машинально встал. Его чуть было не потянуло отдать честь, до того статен был князь и грозен видом в ту минуту. Но и улыбка играла в княжеских усах. Путята остановился в дверях позади князя Черниговского.

– Ты, чудак-человек, воевода бает, огонь сотворить умеешь? – спросил князь, подбоченясь.

– Ну, огонь вряд ли, великий княже, зажигалку потерял, – посетовал на судьбу Григорий, – а свет могу при случае, пока батарейки не сели. На то лучше ночью смотреть.

– Не Великий я пока, – заметил князь, ухмыльнувшись, – Черниговским княжеством покамест управляю. А то ты не знал? А ли мысли мои читаешь?

Забубенный дипломатично промолчал.

– А звать то тебя как, человеке?

– Григорий Забубенный, – ответил механик как на духу, – так в паспорте и записано.

Князь прошелся взад-вперед вдоль стола, задумчиво теребя бороду, и снова обернулся к стоявшему перед ним Забубенному.

– Откудова?

– В смысле, где родился? – переспросил Григорий, – ну, ясно где, в Питере. То бишь на берегах моря северного.

– Говорил, новгородский он, – вставил слово воевода.

– Новгородский? – подивился князь, – а чего ж тебе не сидится в вольном городе, среди бояр своенравных? У вас ведь там, народ привык к безобразиям, – что хочешь, то и ворочу.

– Оно верно, в принципе, – кивнул Забубенный, – ну, там город-государство, свобода, республика, вся власть боярам, хлеб рабочим и так далее. Но я, как новгородец и человек вольный решил немного попутешествовать, мир посмотреть, себя показать. Шел себе лесом, да заблудился, а тут как раз ваши люди подоспели. Спасли меня, обогрели и в Чернигов ехать предложили. (Сказав это, Григорий покосился на подпиравшего косяк воеводу, тот, услышав слова эти, только усмехнулся молча). Ну, а я думаю, отчего б не поехать, Чернигов город известный. Туристический центр Руси, можно сказать. Ну, вот и решил принять приглашение воеводы вашего. А по дороге во время ночлега на нас бандиты напали, крутые пацаны с саблями, а я их фонариком, то бишь лучом света среди ночи и пугнул. Спас, значит, ваше воинство от нападения.

– Ага, – кивнул князь, – Путята говорил, что повстречались вы, когда ты там, в лесу девку какую-то пощупать захотел.

– Я? – делано удивился механик, – побойтесь бога, великий княже. Зачем мне девок по лесам щупать? Я уж воеводе все разъяснил. Наговор это.

– Понятно зачем, – усмехнулся князь, пропустив мимо ушей последние слова, и сладострастно потирая руки, – я сам иной раз люблю...это...ну, значит, воевода не сбредал, насчет света ночного? Хорошо, это мы скоро проверим.

Мстислав сел на лавку, на которой недавно дремал усталый механик.

– Путешествовать, значит любишь. Землю топтать без дела, – разговаривая как бы сам с собою, заметил князь, и, прищурившись, спросил стоявшего перед ним навтыжку Забубенного, – А скажи-ка мне путник, не слыхал ли ты чего в своих странствиях о народе неизвестном, что появился недавно в пределах половецких и нанес им ущерб великий? Кто такие, может, ведаешь, откудова, а?

Механик призадумался.

– Ну, я вообще-то, великий княже (на сей раз, Мстислав промолчал, довольно улыбнувшись) историю плохо знаю, в пределах средней школы.

– А ты напрягись, человеке, – ухмыльнулся в усы князь черниговский, – воевода ведь тебе про кол говорил? Говорил, вижу. Не мог не сказать. Он это дело любит. А здесь тебе не Новгород, вече болтливое собирать не будем, раз и тебе уже хорошо. Да и народ городской позабавим, а то у нас тут скучота. Давно развлечений народу не было. Ну, чего молчишь, словно в рот воды набрал? Я ждать не люблю.

Забубенный изо всех сил напрягал свои извилины, пытаясь выудить из глубин памяти хоть какие-нибудь сведения об этом времени и происходивших в нем событиях. «Эх, знать бы хоть какой год на дворе, думал механик, перед внутренним взором которого пульсировал новехонький свежеструганный кол. Да про каких людей, что половцам навредили, они мне талдычат? Может ливонский орден, Александр Невский, у него же мать вроде половчанка была? Нет не похоже, это, кажись, позднее было. Может турки? Нет, те далеко живут, да не развились пока до Османской империи. Ну, кто-ж тогда, не фашисты же. Монголы с татарами что ли остаются?».

Механик вспомнил о том, что когда-то в детстве задавали по истории и, что он по счастливой случайности прочел от нечего делать, ибо болел тогда ангиной и сидел дома. В учебнике было написано, как сейчас смутно припоминал Григорий, что монголы за что-то сильно недолго любили половцев. То ли деньги те взяли в долг и не вернули, то ли вели себя нехорошо и оскорбляли монголов по всякому, короче Чингисхан, это самый крутой хан у них был тогда, разобиделся и послал экспедиционный корпус в тыл к половцам, чтобы хорошенько начистить тем рылю за старые обиды.

А начальником у того карательного отряда был монгольский батыр по имени Субурхан, а помощником то ли Джаба, то ли и Джэбек. Забубенный тогда как раз пересматривал в третий раз «Звездные войны», вот и запомнил. А то ни в жизнь не запомнил бы. Ну, так Субурхан с Джабой оказались хитрыми батырами и не пошли в лобовую на половцев. Вместо этого они зачем-то поперлись через Кавказ, альпинисты хреновы, по дороге побили грузинов, по военно-грузинской дороге спустились с гор и вышли к половцам в тыл.

Ну, понятное дело, половцы не ожидали увидеть у себя в тылу картельную экспедицию разъяренных монголов. И вместо того, чтобы стоять до последнего патрона, они дали задний ход, и отошли к западной границе. То есть на Русь, где у них тогда было уже много родичей. К тому времени уже было не разобрать где чистокровный русак, а где половец-степняк. Смешанные браки сделали свое дело. Будущий механик даже запомнил имя одного половецкого хана, который смылся с родины в числе первых. Приходился тот хан тестем князю Галицкому Мстиславу, что в народе Удачным прозывали. А звали его смешно как-то, вроде хан Котят или хан Котян. Вот этот Котян приехал в Киев, мать городов русских, и начал панику наводить. Мол, появился из-за гор народ страшный, доселе невиданный, числом несметным навалился на земли половецкие и все отобрал.

Врал ведь, собака. Как посчитали историки, монголов в том походе меньше половцев было почти втрое. Просто они озверевшие были. Ну, понятное дело, три недели шариться по горам без еды нормальной и питья, тут кто угодно озверееет. Особенно когда еду долгожданную увидит. Любого порвет на части. А половцы трусы были известные и вояки никудышные. Как увидели, что запахло жареным и простой стычкой не обойдешься, так и ломонулись на Русь к родичам защиты просить.

Тот Котян задарил всех князей русских, что на совет специально из-за его трезвона собрались, верблюдами, конями, буйволами, да прекрасными наложницами. Брызгал во все стороны слюной и кричал «Нынче они взяли нашу землю, а завтра возьмут вашу!!!». Нервный был очень. Ну, а князья наши, понятное дело, себя крутыми считали, как вареные яйца. Поку-

мекали недолго, на наложниц с верблюдами посмотрели, и решили «Искать неприятеля». То бишь собраться вместе и совместно начистить рыло этому неизвестному народу, чтоб знали те свое место, вернулись откуда пришли, ибо здесь их никто в гости не ждал. А незванный гость, как известно, он и есть не званный гость. Потому как никто его не звал.

Князь Галицкий так и сказал на совете «Да кто они, блин, такие, чтобы наших родичей половцев обижать? Да мы их в бараний рог свернем, да в порошок разотрем. Да у меня в дружине одних богатырей – чертова дюжина!». Прикинули расклад. И у других князей боевиков верных в запасе оказалось не мало. А потому порешили князья Киевские, Галицкие да Черниговские на том совете «Искать неприятеля».

Что было дальше, Забубенный не дочитал. Судя по всему, монголы должны были догнать половцев и добить всех. Только так по их понятиям они могли считаться нормальными батырами у себя на родине. После прочтения учебника у Григория вообще сложилось мнение, что это были на редкость упертые ребята, если что задумают, то пока всех не перебьют домой не вернуться.

В общем единственной версией для ответа Мстиславу Чернявому у Григория пока были монголы. И Забубенный осторожно эту версию предложил.

– Думаю я, что это монголы, – ответил он после своих размышлений, – это они, похоже, нанесли урон вашим половцам, которыми рулил тогда хан Котят или Котян. Точно не помню. Ну а Котян этот князей русских взбаламутил, чтоб за него отомстили. На себе тельняшку рвал, что, мол, монголы угроза страшная и русичам надо отомстить за половцев побитых, иначе и русичам кердык, хотя сам с ними биться струсил. Вот так я разумею.

Хитрая снисходительная ухмылка, блуждавшая до той поры по лицу князя черниговского, мгновенно пропала. Теперь на нем возникло выражение настороженности и недоверия. Видно не того ответа ждал князь. Помолчав немного, Мстислав заметил:

– Да ты, новгородец, похоже, и, правда, колдун. И не только свет из руки выпускать умеешь.

Мстислав рывком стал и шагнул к Забубенному, который при этом несколько озадачился «Может, чего не то сказал?».

– Откуда про совет княжеский ведаешь, что только вчера был? – дыхнул ему в лицо луковым запахом князь Черниговский, – Ибо я с него только ввечеру и вернулся. До Киева, ежели поспешать, за день доскакать можно. А я поспешал.

Ошарашенный Забубенный молчал, не зная, что ответить. Князь снова стал нервно вышагивать по горнице взад-вперед.

– И ведь знаешь все, что Котян говорил, будто сам на полатах сидел с нами и мед пил. А ну, что еще Котян нам говорил, знаешь?

– Точно не уверен, – промямлил Григорий, – но что-то типа «Нынче они взяли нашу землю, а завтра возьмут вашу!». И еще мог наложниц подарить и верблюдов двугорбых.

Теперь сам Мстислав выглядел ошарашенным. Он молча посмотрел на воеводу, а тот ответил ему взглядом, в котором читалось «Ну, а я что говорил. Точно, колдун».

– Да ты паря не новгородец, – решил Мстислав, – ты, видать, точно с бесами водишься. А ли засланец чей. Да только на том совете, кроме нас никого не было. Даже слуг ближних не допустили. Ибо дело государственное обмысливали. Потому знать никто не мог. А ты речешь все как по писанному. Не спроста это все. И что мне теперь с тобой делать?

Забубенный был нем, как могила. Язык у него присох к небу и отказывался поворачиваться от страха. Молчал и князь черниговский. Долго молчал, недобро. А когда заговорил, наконец, то Григорию показалось, что гром прогремел среди ясного неба, такая в горнице до того стояла звенящая тишина.

– Так я решил, паря. За то, что спас ты ночью с помощью чар своих колдовских людей мне верных, что везли известие важное, я тебя на кол сажать пока не буду.

Забубенный коротко выдохнул.

– Но, коль ты откуда-то ты прознал про дела государственной важности, придется мне тебя при себе оставить. Думал я тебя на дыбу наперво отправить, чтоб с тобой там мужички потолковали о том, о сем, разъяснили кой чего. Да решил по-другому.

Князь повернулся к воеводе и поманил его пальцем. Путята приблизился на несколько шагов и встал, длань на рукоять меча положив.

– Возьмешь сего чародея туманного, людей поболее смысленных, ладьи сколь надобно, и завтра по утру отправишься на границу земель половецких. Разведает там, появились ли в пределах наших эти монголы неизвестные, что за люди, сколько их, куда идут, чего хотят. Слова Котяна проверить надобно. Он брехун известный, а нам война была лишний раз ни к чему. Хотя и поздно уже, решение приняли. По любому осмотреться надобно. Ну а этого чародея, если вдруг предательство вскроется, головы лишить немедля. Как разведает, сразу ко мне. Я среди князей других должен знать поболее. Князья Галицкие, да Киевские сейчас уже народ собирают по волостям своим, чтоб идти к Зарубу, где войско наше общее собирается должно. А покудова оружие будем ковать.

Кивнул воевода молча, поклонился князю. Хотя, как почудилось механику, короткий вздох испустил. Получалось, что не успел он из одного похода вернуться, а уже должен был в новый уходить. Не молод был уже воевода. Но, с другой стороны, подрядился быть военным, – тяни лямку. Служба есть служба.

– Ну, ступайте, соколы, – сказал Мстислав. Приняв решение государственное, он вдруг подобрел, – отоспитесь ночку и в поход. Время не ждет.

И кивнув в сторону Забубенного на всякий случай наказал воеводе:

– Определишь его к ратникам, да с досмотром. Чтоб не улег. Больно заковыристая персона.

– Все сделаю, – кивнул Путята, – Пошли, Григорий.

Секьюрити отделились от стен и освободили проходы. Забубенный, поклонившись по обычаю князю, вышел вслед за воеводой. Сев на коней, они свернули налево от терема княжеского и вдвоем, не торопясь, поехали через город, известной одному воеводе дорогой. Григорий уже неплохо управлялся с конем, хотя и был всего второй день в седле. Он даже подумал, грешным делом, что в далекой древности у него наверняка были предки кавалеристы.

Вечерело. Теплый воздух медленно темнел. В нем висели многочисленные запахи местного города, которые Забубенный пока не мог различить, что-то едкое, что-то сладкое, что-то кислое. Пахло, надо сказать, не как в чистом поле. Но, к счастью, налетающий то и дело ветерок быстро сдувал появляющуюся иногда вонь. Хотя, конечно, до непроходящего смога двадцатого века местным запахам было еще далеко.

Поехали тихие кварталы богатых деревянных домов, окруженных высокими заборами, где, наверное, жили местные бояре, да купчины денежные. Дома, конечно, были угловатые, но для своего времени наверняка считались крутыми и дорогими, а район рядом с княжеским теремом, престижным. Да и народ здесь попадался непросто одетый. Похоже, решил Григорий, это был квартал местных олигархов. Но ратники его миновали и скоро оказались в слободе, окруженной каменной стеной, за которой виднелось несколько крупных деревянных строений, походивших на бараки, и десяток мелких. Судя по всему. Это и был военный городок, где располагался арсенал и жили ратники средней руки, что победнее.

Глава седьмая «Искать неприятеля»

Эту ночь Забубенный провел тихо. Порученный заботам и надзору Данилы, обитавшего в одном из здешних домов, Григорий получил в том же доме во временное владение клетушку два на два метра без окон, без дверей. Точнее с одной единственной дверью, которая вела в горницу, где спал сам Данила. Предусмотрительный ратник запер на ночь дверь на засов, чтоб Забубенный не вздумал утечь. Как-никак пока он оставался непонятным человеком. В клетушке стоял убогий топчан, и валялось множество всякого хлама. Под гнилыми половицами ползали, попискивая, голодные мыши.

Однако, утомленного механика ничуть не смутила ни убогость обстановки, ни положение привилегированного пленника в котором он по-прежнему находился. Григорий уже начал понемногу отвыкать от комфорта прошлой жизни, ведь неизвестно было, вернется он туда или нет. За три прошедших дня в этом времени он начал привыкать жить по новому принципу «Сегодня на кол не посадили и ладно. День прошел хорошо». Постоянная угроза жизни, как ни странно, усиливала оптимизм. Тратить время на грусть в таких условиях механик считал теперь непозволительной роскошью.

Поэтому, едва оказавшись в своей клетушке и услышав за спиной скрип задвигаемого засова, Забубенный как был, не раздеваясь, только рюкзачок скинул, рухнул на топчан и провалился в глубокий сон. Снилось ему что-то из прошлой жизни, которая постепенно отходила на второй план. Снилось не внятно, размыто. А под утро ему даже привиделось уже что-то из последних событий: разбойники, клады, жуткая скачка на Савраске, которая оказалась говорящим конем и постоянно спрашивала его про погоду на берегах северного моря или о том, когда ей дадут спокойно перекусить.

Проснулся Забубенный от толчка в плечо. Раскрыв глаза он обнаружил рядом с собой Данилу, который возвышался над топчаном молчаливой громадой. Рассеянный утренний свет, сочившийся из горницы, очерчивал сзади его угловатую фигуру, уже одетую в кольчугу, отчего Данила показался механику сейчас призраком командора или терминатора.

– Вставай, Григорий, – пробасил ратник, – пора выступать.

– А завтрак? – поинтересовался на всякий случай Забубенный, не двигаясь с места по давней привычке вылеживать после звонка будильника минут пятнадцать, – То бишь перекусить не мешает перед дальней дорогой.

– На ладье отобедаем. Времени нету. Иди одежду примерь.

Забубенный больше решил не испытывать судьбу, вспомнив про тычки и пинки полученные в первый день пребывания за непослушание и лишние вопросы. Хотя он здесь и держится за чародея непонятного, но князь Черниговский, похоже, колдунов не сильно то опасался, а потому не убоился чар Забубенного. Видно и колдуны местные князьям служили по необходимости. А значит, вслед за князем скоро и ратники простые опять осмелеть могут. Потому Григорий оторвал свое сонное тело от топчана, умылся водой холодной, что нашел на крыльце в ведре деревянном и вернулся в горницу к кучке одежды, принесенной для него отроком, служившим Даниле.

Это были штаны кожаные, рубаха холщовая, кожаная же безрукавка и странная обувь, похожая на лапти со шнурками все из той же сыромятной кожи. Рядом на лавке лежала, тускло поблескивая, кольчуга и короткий меч в деревянных ножнах.

Забубенный, скинул свой потрепанный камуфляж, в котором он здесь смотрелся как белая ворона и натянул всю имевшуюся одежду. Рубаха оказалась просторной, штаны шершавыми изнутри. Обувка привнесла некоторые сложности в процесс, но скоро Григорий решил

проблему со шнурками. Оказалось, что обувка представляла собой нечто похожее на кожаные портянки, которые заматывались шнурками. Не «Рибок», конечно, и не «Доктор Мартинс», но жить можно. Кожа на портянки пошла толстая и, должна была хорошо предохранять ноги в пути от камней и коряг. А уж ходить в них Григорий как-нибудь научится, не зря же служи в советской армии. Тому, кто бегал кроссы в советских портянках и сапогах, ничего уже страшно не будет.

Покончив с обувкой Забубенный натянул кожаную безрукавку и проскользнул в кольчугу. С легким перезвоном железная рубашка обтянула его мощное тело. Оказалось в пору: нигде особенно не жмет, нигде не тянет. Движения стесняла не сильно. Видно, ковал хороший кузнец. «Кольчуга «От Версачи», даже пошутил про себя механик, или от «Золингена». Непривычно было, конечно, ходить в железной рубашке, но предстоящая миссия говорила о возможном контакте с монголами, а эти ребята страсть как любили дырывать чужие тела стрелами, да копьями. Так что, своя кольчуга ближе к телу.

Наконец, разобравшись с одеждой, Григорий взял свой первый в жизни меч и вынул из ножен. Меч был коротким, не больше полуметра в длину, без всяких вензелей и монограмм. С простой, но крепкой рукоятью. Механик пару раз рубанул им воздух, чтобы ощутить тяжесть оружия и снова посмотрел на клинок, словно ожидая, что меч вот-вот засветится синим огнем, и начнет с ним разговаривать человеческим голосом. Но меч не засветился, а выглядел как простое, но добротное оружие. Григорий с минуту поразмышлял, не дать ли клинку имя типа «Победитель драконов» или «Устрашающий», но «Устрашающий» был длиной не более полуметра и на «Победителя Драконов» никак не тянул. Скорее походил на кухонный нож-переросток или тяжелое орудие мясника, но это уже было из области маньяков и ужасников, а Забубенный всю эту лабуду не любил.

«Ладно, – резюмировал Григорий, – не орков же им косить, а простых монголов. И так сойдет». Осмотревшись по сторонам в поисках щита и крутого шлема с забралом, механик обнаружил, что ни щита, ни шлема ему не дали. Видно, не полагается. Не заслужил еще или не хватило. Тогда Григорий прицепил к поясу на специальную застежку свой боевой меч без имени, секунду поколебавшись, забросил все-таки за спину рюкзачок с фонариком, хоть и не по форме выходило, но чародей как-никак, можно позволить немного странностей в одежде, и вышел на широкий двор.

Спустя пять минут он сидел в седле Жорика. Предрассветная прохлада заставляла Забубенного ежиться, забираясь под холщовую рубаху. Во дворе военного городка, как окрестил про себя место пребывания ратников Забубенный, уже скопилось изрядное воинство. Ржали кони, балагурили люди. Григорий даже вспомнил свою службу в армии в далеком двадцатом веке. Настроение, царившее во дворе военного городка Чернигова, напомнило ему точь в точь настроение солдат и офицеров перед разводом в родной воинской части. Разве что, никто не курил. На первый взгляд народу конного, с мечами да копьями, набралось почти под сотню, разделены все были на три отряда. Похоже, разведка у Путяты намечалась не слабая, возможно даже с боем.

Механик по привычке держался вместе со старыми знакомыми в отряде Данилы.

Скоро на крыльце самого большого дома показался и сам воевода Черниговский.

– Здорово молодцы! – гаркнул он обретавшимся в седлах ратникам.

Собравшиеся вояки в ответ нестройно рявкнули что-то нечленораздельное, типа «И тебе того же желаем, воевода». Путята, не обратив на это внимания, сел на коня своего мощного и выехал со двора. Все собравшееся воинство самостоятельно разобравшись в три ряда, выехало вслед за ним, растеклось по ближайшей улице, что вела вниз под горку.

В Чернигове тринадцатого века вставали рано. Проезжая по улицам спящего, казалось, города, переодетый в новую одежду Забубенный уже видел всяческое шевеление. Где-то поили коней, где-то разводили огонь. Где-то кололи дрова. В общем, жизнь без электричества была

довольно напряженной. Хотя здесь об этом, пока никто не догадывался. Жизнь как жизнь. Все привыкли рано вставать и рано ложиться. День длился от рассвета до заката. Никакой ночной жизни. Ни тебе кино, ни тебе казино.

Выбравшись за городские ворота по специально опущенному для того мосту, отряд прибавил ходу. Направление держалось понятное, – на берега Десны, только почему-то в другую сторону от переправы вчерашней. Вверх по течению. Солнце уже поднималось над деревьями, а Путята, похоже, торопился исполнить наказ княжеский побыстрее.

Вчера, перед тем как вверить его изможденное тело Даниле на постой, воевода коротенько намекнул механику, что, мол, разговор с князем далее него утечь не должен. Не дай бог, узнает, что кому рассказал, даже из ратников ближайших, голова моментально с телом расстанется. Выходило, что об истинной цели сего предприятия знали только двое: Путята да он, Механик-чародей Григорий Забубенный. Странное возникало чувство: то ли гордиться можно, то ли за жизнь свою переживать дополнительно. Ну, семи смертям не бывать, как известно, а одной не миновать, как ни крути. Забубенный едва успевал впитывать происходившее с ним, да думать о самом ближайшем будущем, которое по-прежнему представлялось ему весьма туманным. Но в одном он был теперь уверен на все сто, что крепко вляпался в местные политические игры патриотов. И, как и полагается простолюдину, стал пешкой в этой игре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.